

Образование,

XIV.

1905.

ОБРАЗОВАНИЕ.

ЖУРНАЛЬ

Литературный,

научно-популярный

и педагогический.

05
0-23

№ 9. 9290.

ARKIV № _____
Centr. Biblioteka

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Б. М. Вольфа. Разъѣзжая, 15.

1905.

Къ исторіи русскаго духоборчества.

Прошло уже семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ вспыхнуло въ Закавказьѣ извѣстное движеніе среди духоборцевъ. Знаменательное многими своими особенностями, оно въ настоящее время уже потеряло тотъ жгучій интересъ, который когда-то значительно волновалъ нѣкоторые слои русскаго общества. Духоборцы выѣхали изъ Россіи и уже хорошо устроились въ привольныхъ степяхъ Канады; ихъ вождь и руководитель Петръ Васильевичъ Веригинъ теперь уже освобожденъ изъ своей ссылки и тоже находится въ Канадѣ; освобождены изъ ссылокъ также и нѣкоторые другіе духоборческіе „старички“, уѣхавшіе тоже далеко за океанъ; только ссыльные духоборцы-солдаты, находящіеся и по сіе время вдали отъ своихъ семей, въ холодной и угрюмой Якутской области, еще говорятъ намъ живымъ примѣромъ о бывшемъ движеніи своихъ закавказскихъ „братьевъ“. Будемъ надѣяться, что и эти изгнанники вскорѣ увидятъ свои семьи, отягченныя печалью давнишней, горькой разлуки; будемъ надѣяться, что недалеко то время, когда и „якутскіе“ духоборцы присоединятся къ своей американской общинѣ...

Считая все это движеніе уже ликвидированнымъ исторіей нашей родины, мы постараемся здѣсь восстановить нѣкоторые интересные моменты изъ жизни этой оригинальной сектантской общины и тѣмъ самымъ попробуемъ присоединить и свою маленькую лепту въ общую собирательницу знаній о жизни и бытѣ русскаго народа вообще и русскаго сектантства въ частности.

I.

Пятнадцатаго декабря тысяча восемьсотъ восемьдесятъ шестого года тихо скончалась знаменитая духоборческая руководительница Лукерья Васильевна Калмыкова.

Этотъ печальный день смерти любимой и глубоко уважаемой во всемъ духоборьи женщины вмѣстѣ съ тѣмъ былъ началомъ новыхъ, весьма знаменательныхъ событій въ жизни закавказской духоборческой общины.

Лукерья Васильевна, умирая,—согласно обычаю,—не оставила писаннаго завѣщанія. Собравъ „старичковъ“, она высказала имъ свою послѣднюю волю: на мѣсто управителя духоборческой общины она назначала Петра Васильевича Веригина, молодого духоборца изъ селенія Славянки, Елизаветпольской губерніи. Болѣе она ничего не завѣщала и умерла.

П. В. Веригинъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ приглашенъ Лукерьей Васильевной въ „Сиротскій домъ“. Онъ происходилъ изъ богатой духоборческой семьи,—по рассказамъ своихъ „братьевъ“,—съ дѣтства отличался несомнѣннымъ умомъ, способностями и сильной склонностью къ размышленіямъ.

Поселившись въ самомъ „Сиротскомъ домѣ“, Петръ Васильевичъ прожилъ тамъ пять лѣтъ до самой смерти Лукерьи Васильевны.

„Сиротскій домъ“ былъ въ сущности главной резиденціей духоборческихъ руководителей. Основаніе этого учрежденія несомнѣнно принадлежитъ духоборческому Моисею и законодателю Савелію Капустину, который, обладая громаднымъ умомъ, организаторскимъ талантомъ и вліяніемъ на духоборческую общину, еще на Молочныхъ водахъ твердо установилъ всѣ правила, весь обиходъ жизни своихъ „братьевъ“. Его могучая рука и желѣзная воля чувствуются въ достаточной мѣрѣ и до сихъ поръ на жизни духоборцевъ, съ которыми мнѣ пришлось такъ тѣсно познакомиться въ Канадѣ.

Извѣстный, хотя часто весьма пристрастный и враждебно настроенный изслѣдователь духоборческой секты, О. Новицкій, такъ, описываетъ селеніе „Терпѣніе“ и „Сиротскій домъ“, устроенный Капустинимъ въ Таврической губерніи на Молочныхъ водахъ: „28 іюля (1843 г.) Гакстгаузенъ вмѣстѣ съ Корнисомъ посѣтили деревню „Терпѣніе“, бывшее мѣстожительство Капустина и центръ внутренняго управленія секты. Оказалось, что мѣстоположеніе деревни для степной страны весьма красиво. По долинѣ течетъ довольно быстрая рѣчка. По ея теченію высятся возвышенности, покрытыя кустарникомъ и деревьями. Между этими возвышенностями и рѣчкой лежитъ деревня. Это обыкновенная русская деревня“¹⁾.

„...Въ селеніи „Терпѣніе“ находилось духоборческое волостное управленіе и общественный, такъ называемый „Сиротскій домъ“,—деревянное большое зданіе съ рощею фруктовыхъ и лѣсныхъ

¹⁾ См. „Духоборцы, ихъ исторія и вѣрученіе“, сочиненіе Ореста Новицкаго (стр. 157). Второе изданіе, Кіевъ, 1882 г.

деревьевъ, съ прекраснымъ ключевымъ протокомъ и двумя фонтанами...“²⁾).

Когда духоборцы переселились въ Закавказье, то они и тамъ рѣшили построить „Сиротскій домъ“.

Можно предполагать, что „Сиротскій домъ“ въ Закавказьѣ былъ построенъ только въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, когда духоборцы, за двадцатилѣтній періодъ своей жизни, на новыхъ мѣстахъ успѣли уже достаточно окрѣпнуть экономически. Мы высказываемъ это предположеніе, основываясь на слѣдующемъ вопросоответномъ псалмѣ, записанномъ нами въ Канадѣ:

„...*Вопросъ.* Кто „Сиротскій домъ“ построилъ?

Ответъ. Лукерья Васильевна, съ своей суммы, для чести, для славы, для вѣчной памяти. Богу нашему слава“¹⁾).

Какъ извѣстно, Лукерья Васильевна приняла званіе руководительницы по смерти своего мужа Петра Ларионовича, послѣдовавшей въ 1864 году.

Несомнѣнно, что до постройки „Сиротскаго дома“ главное мѣстоуправленія духоборческой общины сосредоточивалось въ томъ домѣ, гдѣ жилъ ихъ руководитель.

„Сиротскій домъ“ закавказскихъ духоборцевъ, въ которомъ поселилась со всѣмъ своимъ штатомъ Лукерья Васильевна,—быстро наполнялся всевозможнымъ имуществомъ и богатѣлъ отъ добротныхъ приношеній духоборцевъ. Къ 1886 году на его приходѣ числилось слѣдующее имущество:

„Сиротскій домъ“ находился въ селеніи Горѣломъ, — сообщается въ одной изъ рукописей о духоборцахъ. Онъ состоялъ изъ двухъ домовъ, — одного одноэтажнаго каменнаго, крытаго черепицей; другого небольшого двухэтажнаго, деревяннаго. Въ первомъ происходили собранія и богомоленія, для чего были назначены двѣ комнаты и сѣни, а второй назначенъ былъ для бесѣдъ народа съ управителемъ дома. При „Сиротскомъ домѣ“ было: 2 десятины земли, болѣе 100 головъ рогатаго скота и 100 лошадей. Сиротскій денежный капиталъ состоялъ изъ пятисотъ тысячъ рублей. Изъ нихъ 45.000—хранились въ банкѣ въ Тифлисѣ. Остальные деньги, въ видѣ золота и серебра, хранились въ „Сиротскомъ домѣ“. Кромѣ того, при каждомъ селеніи часть земли назначалась на нужды „Сиротскаго дома“. Такъ при селеніи Троицкомъ (въ 9 верстахъ отъ селенія Горѣлаго) былъ сиротскій хуторъ, состоящій изъ 400 десятинъ сѣнокосной и пастбищной земли.

На этомъ же хуторѣ находилась сиротская баранта—2500.

²⁾ См. тамъ же, стр. 83.

¹⁾ Этотъ псалмъ взяли нами изъ „Животной Книги“ духоборцевъ, которую мы записали въ Канадѣ и которая представляетъ очень интересный памятникъ для изученія міровоззрѣнія этой секты. *Прим. В. О.*

овецъ. А находившіяся на этомъ хуторѣ 5 коровъ и 30 лошадей были назначены для людей, которые ходили за овцами и смотрѣли за хуторомъ. При селеніи Ефремовѣ (въ 5¹/₂ верстахъ отъ с. Горѣлаго)—сиротской земли было 100 десятинъ. И такъ было при каждомъ селеніи. Земля, назначенная на нужды „Сиротскаго дома“, обрабатывалась сообща обществомъ. Собранные съ сиротской земли хлѣбъ и сѣно отвозили въ „Сиротскій домъ“¹⁾.

Всѣмъ этимъ-то постоянно возрастающимъ имуществомъ, въ сущности безконтрольно, и распоряжался руководитель духоборческой общины. Но такъ какъ руководителю не подобало вмѣшиваться во всѣ житейскія дѣла общины, то при немъ всегда состоялъ такъ называемый атаманъ „Сиротскаго дома“. Атаманъ вѣдалъ всю хозяйственную часть. Онъ принималъ пожертвованія, исполнялъ приказы руководителя о помощи тѣмъ или другимъ духоборцамъ; къ нему стекались всѣ свѣдѣнія изъ духоборья объ урожаяхъ, градобитіяхъ, пожарахъ, покражахъ, разбояхъ, падежѣ скота, эпидеміяхъ и вообще обо всемъ, что только могло такъ или иначе отразиться на состояніи духоборческаго хозяйства.

Однимъ изъ послѣднихъ „атамановъ“ „Сиротскаго дома“ былъ духоборецъ Батуричъ, который состоялъ въ этой должности при Лукерѣ Васильевнѣ болѣе 10 лѣтъ. Послѣ ея смерти онъ оставался въ „Сиротскомъ домѣ“ вплоть до увольненія его отъ этой должности по приговору „большой“ партіи весной 1887 г. На мѣсто Батурина духоборцы избрали изъ своей среды нѣкоего Цабульскаго, который былъ арестованъ,—по проискамъ „малой“ партіи,—кавказской полиціей 20 іюня 1887 г., посаженъ въ Тифлисскую тюрьму, а потомъ сосланъ въ отдаленныя мѣста Архангельской губерніи на пять лѣтъ.

Въ Канадѣ, по пріѣздѣ П. В. Веригина, духоборцы изъ своей среды выбрали двухъ „атамановъ“—Николашу Зибарова съ сѣвернаго участка и Павлушу Планидина²⁾ съ южнаго участка. Оба они, имѣя при себѣ переводчика, духоборца Сѣму Рыбина, хорошо изучившаго англійскій языкъ, ведутъ все хозяйство при „Сиротскомъ домѣ“, который возведенъ въ настоящее время въ Канадѣ въ селѣ „Потерпѣвшее“ (переименованномъ теперь въ с. „Отрадное“)—мѣстожительство Петра Васильевича Веригина.

Духоборцы мечтаютъ и въ Канадѣ „Сиротскій домъ“ устроить по особенному, возможно красивѣй и лучше.

— „Вотъ выкопаемъ каналъ вокругъ „Отраднаго“,—сообщаетъ г. Танъ свой разговоръ съ духоборцами,—напустимъ туда рыбъ разныхъ, лебедей привадимъ, птицу разведемъ и будемъ глядѣть на

¹⁾ Изъ рукописи: „Записка о духоборахъ, составленная съ ихъ словъ и на основаніи одной ихъ рукописи“. (Стр. 1 и 2).

²⁾ Въ послѣднее время, на новыхъ выборахъ, Павлуша Планидинъ замѣненъ Васей Потаповымъ.

нихъ и радоваться. Пусть всякая живность хвалитъ Господа“¹⁾... То есть, —прибавимъ мы отъ себя,—духоборческаго руководителя, живущаго въ „Сиротскомъ домѣ“.

На Кавказѣ,—какъ и въ Канадѣ,—въ „Сиротскомъ домѣ“—никакихъ „сиротъ“ и вообще призрѣваемыхъ или совсѣмъ не было, или жило весьма мало. Происходило это, прежде всего, по той простой причинѣ, что у духоборцевъ очень сильно развито родственное начало, и каждый сирота, калѣка и т. п. всегда находить себѣ пріютъ часто даже у весьма дальнихъ родственниковъ. Правда, если родственники, принявшіе сироту или калѣку,—бѣдны, то они вполне могли рассчитывать на помощь и поддержку изъ „Сиротскаго дома“, но не принять „средствіе“—считалось у духоборцевъ всегда и считается теперь очень плохимъ дѣломъ.

Благотворительная дѣятельность „Сиротскаго дома“ проявлялась болѣе всего во времена какихъ-либо крупныхъ общественныхъ бѣдствій и невзгодъ.

Въ этомъ-то „Сиротскомъ домѣ“, — въ этомъ административномъ и религіозномъ центрѣ духоборцевъ—и поселился молодой Петръ Веригинъ, по личному приглашенію и желанію духоборческой руководительницы Лукерьи Васильевны Калмыковой.

Не имѣя никакихъ точныхъ свѣдѣній о пятилѣтней его жизни въ „Сиротскомъ домѣ“, мы, однако, выяснили себѣ изъ разспросовъ канадскихъ духоборцевъ, что дѣятельность Петра Васильевича за это время не обозначилась чѣмъ-либо особеннымъ, и его личность совершенно терялась въ лучахъ громаднаго вліянія и нравственнаго авторитета Лукерьи Васильевны. Точно также мы убѣдились, что за эти пять лѣтъ Петръ Васильевичъ не занималъ въ „Сиротскомъ домѣ“ какой-либо опредѣленной общественной должности.

— „Они“ (т. е. П. В. Веригинъ)—говорили мнѣ духоборцы,—ко всему присматривались и ко всѣмъ дѣламъ могли имѣть касательство.

Со смертью Лукерьи Васильевны картина рѣзко мѣняется.

Какъ мы уже сказали, послѣднимъ, предсмертнымъ желаніемъ духоборческой руководительницы было, чтобы Петръ Васильевичъ занялъ ея мѣсто. Большинство духоборцевъ, конечно, безусловно соглашались съ волей Лукерьи Васильевны, но въ селѣ Горѣдомъ въ это же время зрѣли другіе замыслы, таились иныя мысли.

Болѣе двадцати лѣтъ духоборцы избирали на должность своего оффиціального старшины умнаго и честолюбиваго духоборца Зубкова. Властный по своей природѣ, привыкшій распорядиться, командовать, вершить дѣла, быть всегда правой рукой духо-

¹⁾ См. „Русскія Вѣдомости“ № 39, фельетонъ г. Тана „Русскіе въ Канадѣ“ (8 февраля 1904 г.)

борческой руководительницы и постояннымъ представителемъ и ходатаемъ во всѣхъ соприкосновеніяхъ духоборцевъ съ правительствомъ, Зубковъ не могъ переварить той мысли, что какой-то Петръ Веригинъ займетъ такое почетное въ духоборьѣ мѣсто, на которое не прочь былъ пойти и самъ старшина. Предвидя, что общество пожелаетъ послѣдовать завѣщанію руководительницы, онъ сталъ вездѣ говорить, что хотя у Лукерьи Васильевны и не осталось потомства, но у нея есть косвенные наследники въ лицѣ ея родственниковъ братьевъ Губановыхъ, и что, по старинному духоборческому обычаю, руководительская власть должна перейти по наследству къ одному изъ нихъ. Дѣйствительно, у духоборцевъ существовалъ и существуетъ обычай, по которому руководство всегда переходило отъ отца къ старшему сыну. Въ данномъ же случаѣ воля умирающей руководительницы, конечно, должна была играть рѣшающее значеніе, такъ какъ прямого наследника не было.

Зубковъ, вводя эту смуту, рассчитывалъ на то, что слабохарактерный Губановъ будетъ всегда находиться въ его рукахъ, и фактически руководителемъ духоборцевъ будетъ въ сущности онъ, Зубковъ, честолюбіе котораго такимъ хотя и косвеннымъ образомъ все-таки получить удовлетвореніе.

Зубковъ нашелъ послѣдователей своего толкованія, и, такимъ образомъ, тутъ, еще у гроба покойной руководительницы, возникла вражда, борьба двухъ партій, борьба за власть, почетъ и руководство.

Однако, надо замѣтить, что въ этой борьбѣ самъ П. В. Веригинъ, кажется, не принималъ никакого участія и относился къ ней совершенно равнодушно.

Это было первое раздѣленіе духоборцевъ. Послѣдователи Зубкова стали называться „малой партіей“, а послѣдователи П. В. Веригина—„большой“. Названія эти произошли по относительному количеству душъ, входящихъ въ каждую изъ „партій“.

Въ день похоронъ Лукерьи Васильевны, — 17 декабря 1886 года,—во время поминальнаго обѣда,—сообщается въ „Запискѣ о духоборахъ, составленной съ ихъ словъ и на основаніи одной ихъ рукописи“,—„Зубковъ и Губановъ сказали П. В. Веригину, что онъ долженъ оставить теперь „Сиротскій домъ“. Веригинъ не противился и сказалъ: „если уходитъ, такъ уходитъ“. На это общество отвѣтило ему:

— Если ты былъ взятъ Лукерьей Васильевной и былъ въ этомъ домѣ при живности ея пять лѣтъ, и она обучила тебя всему, что знала, и сама хотѣла и говорила, что ты долженъ быть управляющимъ всего сиротскаго капитала, то мы упрашиваемъ тебя не уходить и не желаемъ тебя отпустить, а будь ты управляющимъ общественнаго нажитія, какъ и она ¹⁾).

¹⁾ 4 и 5 стр. вышеуказанной рукописи.

Потерпѣвъ эту первую неудачу, Зубковъ и Губановъ стали дѣйствовать черезъ мѣстную администрацію. Они прежде всего сообщили властямъ, что имущество „Сиротскаго дома“ должно быть, по праву законнаго наслѣдства, передано Губанову, такъ какъ оно-де не общественное, а принадлежало лично Лукерьѣ Васильевнѣ. Во-вторыхъ, они сообщили властямъ, что П. В. Веригинъ выдаетъ себя за пророка и даже за самого Христа, что онъ мутитъ народъ, и что, именно благодаря ему, теперь духоборческое общество весьма взволновано.

Уже болѣе не рассчитывая стать во главѣ духоборцевъ, Зубковъ и Губановъ направили всѣ свои усилія къ тому, чтобы, такъ или иначе, завладѣть имуществомъ „Сиротскаго дома“, а для этого имъ прежде всего нужно было во что бы то ни стало избавиться отъ Петра Васильевича.

Черезъ шесть недѣль послѣ смерти Лукерьи Васильевны, духоборцы, по своему обычаю, устроили поминки. Къ этому дню въ „Сиротскій домъ“ съѣхалось очень много духоборцевъ. Пріѣхала и полиція.

Духоборцы „большой“ партіи, обсудивъ за эти шесть недѣль свое положеніе, твердо рѣшили исполнить волю покойной руководительницы и окончательно признать Петра Васильевича за руководителя духоборцевъ и управителя „Сиротскимъ домомъ“. По обычаю предковъ, это признаніе въ руководительство должно было сопровождаться земнымъ поклономъ всего „міра“ новому руководителю. Послѣ обѣда это такъ и случилось: всѣ многочисленные представители „большой“ партіи отдали Петру Васильевичу поклонъ до земли; только Зубковъ и Губановъ съ немногими своими приверженцами не приняли участія въ этомъ всеобщемъ поклоненіи и остались стоять на своихъ мѣстахъ. Присутствовавшая здѣсь полиція немедленно арестовала П. В. Веригина, какъ чловѣка, выдающаго себя за пророка, Христа и царя.

Петра Васильевича повезли въ г. Ахалкалаки. Это было 26 февраля 1887 года.

Съ этого же дня начинается все то удивительное и безпримѣрное въ нашей исторіи движеніе духоборцевъ, которое, въ концѣ концовъ, привело къ массовому выселенію этихъ сектантовъ изъ Россіи въ Канаду.

Петра Васильевича арестовали. Духоборцевъ „большой“ партіи, открыто высказавшихъ свое сочувствіе П. В. Веригину, полиція немедленно всѣхъ *переписала*, почему духоборцы „большой“ партіи также еще называются „писанными“ духоборцами.

Вслѣдъ за арестомъ Петра Веригина административное преслѣдованіе обрушилось и на всю семью Веригиныхъ. Одинъ за однимъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, были арестованы всѣ шесть братьевъ Петра Васильевича. И всѣ они, — Лука, Иванъ,

Василій, Прокофій, Федоръ и Григорій, — были сначала заключены въ тюрьмы и потомъ сосланы въ Якутскую область *безсрочно*.

Отецъ Петра Васильевича умеръ въ 1898 г. еще на Кавказѣ. Его престарѣлая мать—ей теперь 87 лѣтъ—живетъ въ Канадѣ, среди родственниковъ.

II.

„Арестованный Веригинъ ѣхалъ въ саняхъ съ приставомъ,— сообщаетъ въ уже цитированной нами „Запискѣ о духоборцахъ“,— а за нимъ чапары и еще два духоборца — его друзья. Приставъ съ Веригинымъ остановились ночевать въ селеніи Богдановка, а часа черезъ 1½ пріѣхали сюда человекъ 10 духоборцевъ — „старичковъ“, изъ сочувствовавшихъ Веригину“... „Эти старички пришли къ приставу и сказали ему:

— За что арестовалъ невиннаго?

— Это не мое дѣло; я обязанъ представить его уѣздному начальнику.

И Веригинъ былъ представленъ уѣздному начальнику г. Ахалкалаки, князю Сумбатову, который отразилъ его на второй день въ Тифлисъ, къ губернатору Гросману“... „...За Веригинымъ поѣхало трое духоборцевъ: Иванъ Ивинъ, Алексій Воробьевъ и Петръ Махортовъ.“

Изъ Тифлиса губернаторъ Гросманъ велѣлъ Веригину ѣхать на прежнее мѣсто его жительства въ селеніе Славянку ко двору своихъ родителей. И черезъ 4 дня онъ уѣхалъ. Съ нимъ же поѣхали туда 2-ое братьевъ: Ивинъ и Воробьевъ. „Такъ какъ Веригинъ не былъ дома 5 лѣтъ, — сообщаетъ дальше рукопись,— то къ нему приходили на посѣщеніе многіе его родственники и знакомые ¹⁾. А подозрительная полиція слѣдила за нимъ и смотрѣла, дѣйствительно-ли, какъ Зубковъ доносилъ мѣстному начальнику, Веригинъ ставитъ себя какимъ-то пророкомъ. Замѣтивъ, что много народу ходитъ къ нему—начальство выслало его въ городъ Елисаветполь и заключило подъ арестъ при полицейскомъ управленіи нѣсколько духоборцевъ, ближайшихъ друзей П. В. Веригина.

Петра Веригина тоже арестовали и посадили въ тюрьму. Его впрочемъ, скорѣй выпустили на поруки одному купцу-армянину „впредь до распоряженія“. Остальныхъ арестованныхъ духоборцевъ черезъ нѣкоторое время разослали по домамъ“.

¹⁾ Авторъ этого разсказа, очевидно, умалчиваетъ о томъ весьма важномъ обстоятельстве, что П. В. Веригинъ вернулся домой не простымъ смертнымъ, а *руководителемъ* духоборцевъ. Конечно, это обстоятельство не могло не повліять на количество „братьевъ“, пожелавшихъ увидѣться съ нимъ.

Прим. В. О.

„Еще болѣе поднялось въ народѣ волненіе и смута,—сообщаетъ цитированная нами рукопись,—объ партіи спорили изъ-за „Сиротскаго дома“, Троицкаго хутора и всего движимаго и недвижимаго имущества“.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на разсмотрѣніи всей долгой духоворческой эпопеи,—послѣдуемъ лучше за П. В. Веригинымъ и познакомимся ближе съ его крупной личностью, имѣвшей огромное, первенствующее значеніе въ этомъ оригинальномъ крестьянскомъ движеніи русскаго народа.

„...Веригинъ все находился въ Елисаветполѣ,—повѣствуетъ рассказчикъ,—и, изъ уваженія елисаветпольскаго начальства, былъ отпущенъ въ Горѣльское общество повидаться съ прежними друзьями и, по привычкѣ, посмотрѣть, что дѣлается въ „Сиротскомъ домѣ“. По прибытіи его въ городъ Ахалкалаки (по дорогѣ въ с. Горѣлое) приставъ сообщилъ Зубкову, что прибылъ Веригинъ. Тогда Зубковъ взялъ съ собою Игнатія и Михаила Губановыхъ и отправился въ городъ Ахалкалаки просить пристава не допустить Веригина въ Горѣльское общество: если только онъ придетъ, говорили они,—между партіями сдѣлается сильное волненіе; а жители, живущіе въ с. Горѣломъ (за исключеніемъ 14 домовъ, принадлежавшихъ къ „большой партіи“) подняли плачь, рыданіе и молеbstво, говоря: „Не допусти его, Господи, сюда, а то мы пропадемъ“. Напротивъ, по мнѣнію „большой партіи“, если бы только прибылъ Веригинъ и по привычкѣ вступилъ бы въ управленіе „Сиротскимъ домомъ“ и всѣмъ общественнымъ имуществомъ, то духоворцы бы жили, какъ и прежде, смирно и благополучно. „Приставъ, смотря на просьбу Зубкова и Губановыхъ, а также на ихъ кляузы,—неожиданно ночью 31-го іюня (1887 г.) арестовалъ Веригина въ Ахалкалакахъ и отправилъ въ Тифлисъ по этапу, какъ будто за самовольный прїездъ въ Горѣльское общество“.

„Въ Тифлисѣ Веригина отпустили сначала на волю“.

Возбужденіе приверженцевъ П. В. Веригина начинало достигать высшихъ предѣловъ. Какъ самъ Петръ Васильевичъ, такъ и его приверженцы были глубоко увѣрены, что если Веригинъ доберется теперь до „Сиротскаго дома“, то оттуда уже его не будетъ никакихъ силъ извлечь ни „малой партіи“, ни приставамъ, ни какому иному начальству. Сдѣлавъ неудачную попытку добратся до „Сиротскаго дома“ изъ г. Елисаветполя, П. В. Веригинъ и его друзья не потеряли надежды добиться этого, уѣхавъ тайно изъ Тифлиса, куда, какъ мы знаемъ, его привезли послѣ ареста. Въ это время духоворцы были наканунѣ вооруженнаго возстанія. Тогда еще они не были вегетаріанцами, тогда еще они не отрицали оружія, а, наоборотъ, были прекрасно вооружены. Петръ Васильевичъ даже имѣлъ своихъ „казаковъ“, одѣтыхъ въ черкески и вооруженныхъ съ ногъ до головы. „Казакѣ“ эти, конечно,

были набраны изъ отборныхъ молодыхъ духоборцевъ и составляли его личную дружину, его тѣлохранителей. Самъ Петръ Васильевичъ одѣвался тогда въ богатую черкеску и носилъ постоянно длинный кинжалъ, какъ онъ и снятъ на одной очень интересной фотографіи вмѣстѣ съ Лукерьей Васильевной Камыковой.

Возбужденіе духоборцевъ было очень велико, преклоненіе передъ П. В. Веригинымъ было громадное; имя его такъ гремѣло по Духоборью, что—какъ неоднократно говорили мнѣ духоборцы, достаточно было его одного слова—и вся „большая“ партія, какъ одинъ человѣкъ, поднялась бы съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своего руководителя и его погранныхъ правъ. Но... „они“,—т. е. Петръ Васильевичъ,—„этого не хотѣли“,—добавляли мнѣ духоборцы, и потому... Духоборье волновалось, страдало и изнывало отъ неопредѣленнаго, всякаго положенія и всячески враждовало съ „малой партіей“.

Когда Петра Васильевича отвезли въ Тифлисъ, туда повалило очень много духоборцевъ, а вѣрные „казаки“ „Петюшки“ сейчасъ же прискакали и демонстративно въѣхали въ Тифлисъ компактной, стройной, организованной группой. Петръ Васильевичъ остановился у одной духоборки, вышедшей замужъ за недухобора—кажется, за дьячка, который потомъ отсталъ отъ православной церкви и съ великимъ уваженіемъ относился къ духоборцамъ.—Здѣсь, въ этой небольшой квартиркѣ, собралось много духоборцевъ—мужчинъ и женщинъ. Петру Васильевичу оказывали всевозможные знаки почтенія и уваженія. Что Петръ Васильевичъ Веригинъ отъ природы одаренъ рѣдкими качествами человѣка, который можетъ вести за собой народныя массы и подвинуть ихъ туда, куда онъ самъ захочетъ,—это несомнѣнно. Что онъ производитъ сильное, покоряющее себя впечатлѣніе вообще на людей, съ которыми онъ приходитъ въ соприкосновеніе—это тоже очевидно, и это наше мнѣніе подтверждается слѣдующими свидѣтельствами, такъ сказать, „постороннихъ наблюдателей“, не имѣвшихъ *никакого* предвзятаго мнѣнія о П. В. Веригинѣ.

„...Прежде всего опишу вамъ П. В. Веригина,—пишетъ Н. Т. Изюмченко, имѣвшій свиданіе съ Петромъ Васильевичемъ въ г. Березовѣ.—„Наружность его меня поразила, такъ онъ красиво сложенъ и такъ онъ дѣльно ею (наружностью) управляетъ! Въ красотѣ этой есть еще масса симпатичнаго, такъ что долго, долго сидѣлъ бы и смотрѣлъ на него“¹⁾.

Такой значительный наблюдатель, какъ Танъ, въ своихъ „дорожныхъ впечатлѣніяхъ“, печатающихся подъ заглавіемъ „Русь-

¹⁾ Изъ письма Н. Т. Изюмченко отъ 1 августа 1898 г.

скіе въ Канадѣ“, описываетъ свою первую встрѣчу съ П. В. Веригинымъ слѣдующимъ образомъ. „Когда мы приближались къ воротамъ, съ другой стороны подошелъ высокій, статный человѣкъ, который опередилъ насъ на нѣсколько шаговъ и тотчасъ же поднялся вверхъ по лѣстницѣ. ...Я немедленно узналъ Веригина, хотя, разумѣется, мнѣ не приходилось встрѣчать его раньше... Тѣмъ не менѣе наружность его настолько выдавалась изъ толпы, что ошибиться было бы невозможно.

Онъ былъ высокъ и крѣпокъ, какъ дубъ, и общимъ складомъ тѣла напоминалъ фигуру Петра Великаго, какъ его представляютъ на картинахъ и статуяхъ. У него были большіе каріе глаза и красивыя твердыя черты лица. Даже въ походкѣ его и въ осанкѣ его головы сказывалась крупная, увѣренная въ себя и уравновѣшенная сила“... Черезъ нѣкоторое время г. Тану пришлось свидѣться съ П. В. Веригинымъ. „Лицо его показалось мнѣ теперь еще красивѣе, чѣмъ прежде,—пишетъ г. Танъ.—Особенно хороши были глаза, постоянно мѣнявшіе выраженіе,—то задумчивые, то ласково-убѣдительные, часто насмѣшливо-остроумные, потомъ вдругъ заглядывавшіе собесѣднику прямо въ душу такимъ пытливымъ пронзительнымъ взглядомъ. Смолodu Веригинъ, должно-быть, былъ замѣчательнымъ красавцемъ. Теперь виски его подернула сѣдина пятнадцати ¹⁾ обдорскихъ зимъ, вокругъ глазъ лучились сѣти морщинъ, наложенныхъ долгими размышленіями многолѣтняго досуга“ ²⁾.

Въ г. Колѣ, въ Шенкурскѣ и Обдорскѣ до сихъ поръ о Петрѣ Васильевичѣ не только живы воспоминанія, но циркулируютъ въ народѣ легенды и рассказы объ этомъ вождѣ старой, русской секты. Все это вмѣстѣ взятое свидѣтельствуеетъ намъ, что въ личности П. В. Веригина концентрируются такія черты характера, которыя сильно помогаютъ ему становиться во главѣ массъ, тѣмъ болѣе духоборческихъ.

III.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется весьма интересный документъ: дневникъ уголовного заключеннаго А. С. Д.,—о которомъ мы уже упоминали.

Въ этомъ дневникѣ подробно записанъ рассказъ самого П. В.

¹⁾ Г. Танъ ошибается. П. В. Веригинъ прожилъ въ Обдорскѣ не пятнадцать, а восемь лѣтъ (1895—1902 гг.). Ранѣе еще восемь лѣтъ онъ пробылъ въ тюрьмахъ, этапкахъ и, главное, въ ссылкѣ въ Шенкурскѣ, въ Колѣ и опять въ Шенкурскѣ, откуда и былъ переведенъ въ Обдорскъ.

Прим. В. О.

²⁾ См. „Русскія Вѣдомости“ отъ 6 декабря 1903 г. (№ 335), фельетонъ г. Тана „Русскіе въ Канадѣ“.

Веригина о дальнѣйшихъ его злѣключеніяхъ, послѣ того какъ онъ тайно уѣхалъ изъ г. Тифлиса.

Вотъ что сообщаетъ онъ объ этой страничкѣ изъ его жизни: „Получивъ письмо отъ своихъ родителей и братьевъ, въ которомъ они просили меня пріѣхать домой, я немедленно отправился. По дорогѣ заѣхалъ въ городъ,—забылъ названіе его,—въ которомъ меня долженъ былъ встрѣтить мой братъ Василій. Встрѣтившись, мы, желая навѣстить одного изъ нашихъ знакомыхъ, отправились къ нему, гдѣ и просидѣли часовъ до 10 вечера. Возвратясь на квартиру, мы застали у себя полицейскаго чиновника, который былъ мнѣ знакомъ раньше. Чиновникъ извѣстилъ меня, что губернаторъ, находясь теперь въ этомъ городѣ, желаетъ видѣть меня. Я сказалъ, что завтра явлюсь къ нему, но чиновникъ заявилъ, что онъ желаетъ видѣть меня немедленно. Я согласился итти.

Когда мы вышли, то чиновникъ предложилъ мнѣ сѣсть на телѣгу, заранѣе приготовленную и запряженную тройкой. Не додвѣрѣвая ничего, я сѣлъ, и мы поѣхали; проѣхали уже домъ, гдѣ долженъ былъ быть губернаторъ, и очутились за городомъ. Полицейскій, на мою просьбу сказать, куда меня везутъ, отвѣтилъ, что онъ исполняетъ то, что ему приказано. Наконецъ, мы пріѣхали въ Тифлисъ; меня привезли въ тюрьму тоже ночью; начальникъ, принявъ меня, велѣлъ раздѣться; я снялъ верхнюю одежду и жду, что будетъ дальше. Начальникъ, замѣтя это, велѣлъ мнѣ снять все; надѣли на меня арестантскую одежду и повели въ третій этажъ зданія тюрьмы, втолкнули въ маленькую комнатку, и я остался одинъ.

Содержался я тамъ четыре мѣсяца; за все время днемъ никто ко мнѣ не приходилъ. Камеру всегда отворялъ начальникъ, когда давали обѣдъ. Окно моей камеры выходило на площадь; однажды я, подставивъ столикъ къ окну, влѣзъ посмотрѣть на свѣтъ Божій и, къ удивленію своему, увидалъ на площади брата и знакомыхъ, вниманіе которыхъ я хотѣлъ привлечь маханіемъ платка, что мнѣ и удалось; они увидѣли меня и остановились; обмѣнявшись пріветствіемъ жестами, они ушли. Ночью, часовъ въ двѣнадцать, стукъ отворяющихся дверей разбудилъ меня. Проснувшись, я увидалъ начальника, который приказалъ мнѣ одѣться и взять всѣ свои вещи; я исполнилъ его приказаніе, и меня повели. Признаюсь, мнѣ стало жутко: всѣ ночныя посѣщенія меня начальствомъ начали меня тревожить.

... Меня привели въ нижній подвальный этажъ и посадили въ сырую, разукрашенную кровью раздавленныхъ паразитовъ комнату и заперли. На вопросъ, почему я переведенъ туда, мнѣ начальникъ объяснилъ, что будто-бы губернаторъ увидалъ, какъ я разговаривалъ чрезъ окно съ братьями и велѣлъ предупредить на будущее время эту возможность переговариватьс

Однажды, ночью по обыкновенію, приходитъ начальникъ и велитъ мнѣ собираться къ губернатору, который желаетъ видѣть меня у себя. Я одѣлся. Начальникъ привелъ меня въ контору и возвратилъ мнѣ арестованныя у меня деньги и вещи, сдалъ меня полицейскому чиновнику и двумъ жандармамъ. Выйдя черезъ тайный ходъ изъ ограды тюрьмы, меня посадили на телѣгу, и мы поѣхали, — куда — я не зналъ, да и не добивался знать, ибо я весь отдался на святую волю Бога.

Передавая на различныхъ пунктахъ другимъ конвойнымъ, меня привезли во Владикавказъ, а оттуда въ Архангельскую губернію общимъ этапнымъ порядкомъ. Въ Архангельской губерніи мнѣ назначили для житья городъ Шенкурскъ, куда скоро послѣ моего пріѣзда прибылъ мой товарищъ и другъ¹⁾.

„Мы занялись хозяйствомъ, — продолжаетъ свой рассказъ П. В. Веригинъ. — Я нанялъ себѣ квартиру и снялъ огородъ, обрабатывалъ его и засѣвалъ различными овощами. Родители прислали мнѣ денегъ на лошадь, а самъ я приобрѣлъ двѣ коровы.

Главнымъ занятіемъ у меня были бесѣды съ бѣдняками и устраиваніе для нихъ обѣдовъ. Всѣ почти дѣти, учащіяся въ городскомъ училищѣ и другихъ народныхъ школахъ въ городѣ, послѣ окончанія уроковъ заходили ко мнѣ: одни для того, чтобы получить книги, другіе для того, чтобы поговорить со мной; полиція обратила на это вниманіе и ставила у моей квартиры полицейскаго солдата, съ приказаніемъ не пускать ко мнѣ дѣтей и арестовывать тѣхъ нищихъ, которые приходятъ ко мнѣ за подачіемъ или обѣдать, *разгонять* сходбища по вечерамъ на моей квартирѣ (буквальное выраженіе исправника). Сходбище же состояло изъ сосланныхъ туда политическихъ. Я не могъ, не хотѣлъ и не думалъ оставить привычки дѣлиться и помогать бѣднымъ, поэтому явилось новое распоряженіе министра о переселеніи меня изъ Шенкурска въ городъ Колу“.

Къ сожалѣнію, у насъ собрано очень мало свѣдѣній о жизни и дѣятельности Петра Васильевича въ городахъ Шенкурскѣ и Колѣ.

Одинъ изъ жителей г. Шенкурска сообщаетъ намъ, что во время первой своей ссылки въ г. Шенкурскъ, П. В. Веригинъ, хотя и занимался филантропическими дѣлами, вель весьма разсѣянную жизнь богатаго человѣка: кутилъ, водилъ компанію съ тѣми шенкурскими обывателями, которые въ безалаберныхъ попойкахъ видѣли весь „смыслъ жизни“, сорилъ деньгами, имѣлъ лошадей, привезенныхъ къ нему съ Кавказа, наѣздничалъ и пр. Къ нему нерѣдко пріѣзжали его „братья“ — духоборцы и приво-

¹⁾ Это былъ духоборецъ Василій Ивановичъ Обѣдковъ.

зили ему въ изобиліи всякіе продукты, деньги, одежду и проч. Въ то время еще Петръ Васильевичъ не сталъ на стезю фило-софскаго раздумья и пользовался жизнью такъ, какъ пользуется ею огромное большинство людей его возраста и состоянія.

Но несомнѣнно, что и въ это время ему не разъ приходи-лось задумываться о дѣлахъ на Кавказѣ; отвѣтственное положе-ніе руководителя вынуждало его вникать во все и такъ или иначе нравственно поддерживать своихъ „братьевъ и сестеръ“, ярко ощущавшихъ всю тяготу своего положенія.

Такъ 6-го марта 1888 года, т.-е. вскорѣ послѣ прибытія своего въ г. Шенкурскъ, Петръ Васильевичъ посылаетъ къ себѣ на родину, ко всѣмъ духоборцамъ „большой партіи“ слѣдующее весьма характерное письмо, въ которомъ уже имѣются въ на-личности всѣ тѣ элементы пропаганды молодого духоборческаго вождя, которые въ будущемъ легли краеугольнымъ камнемъ во всемъ знаменитомъ движеніи закавказскихъ духоборцевъ.

Вотъ это посланіе:

„Возлюбленнымъ братцамъ и сестрицамъ духовнымъ, въ семъ селеніи живущимъ при градѣ Ерусалимѣ, помнящимъ Господа Бога нашего Іисуса Христа, ожидающимъ пришествія его на землю со святыми своими.

Въ первыхъ строкахъ сего письма низко и низко вамъ, милые братцы и сестрицы, кланяюсь и желаю вамъ отъ Господа Бога всего хорошаго и лучшаго въ мірѣ, какъ въ сей жизни, такъ и въ будущемъ вѣкѣ; призри и помилуй васъ, Господи, всей щедрой милостью своей; покрой и освѣи васъ, Господи, лучомъ истиннаго свѣта своего, ясною ризою, и да пошлетъ вамъ Господь Богъ нашъ, Отецъ милосердный, тѣ мысли и желанія итти безъ ропота по тому пути, гдѣ ворота усѣяны тернистымъ и острымъ шиповникомъ; и если вы чувствуете силу и крѣпость и съ вами живетъ надежда, то пошли вамъ Господь болѣе и болѣе любви и терпѣнія; защити и закрой отъ васъ, Господи, тѣ прелестныя и обманчивыя ворота, которыхъ путь такъ широкъ и мягокъ, потому-что, други мои, конецъ такого пути есть тартаръ и бездна, гдѣ вѣчныя и нескончаемыя мученія. Сохрани и помилуй васъ, Господи, отъ такого страшнаго и ужаснаго послѣдствія загробной жизни. Но путь, который такъ труденъ и узокъ, но зато, если пройти эти усѣянныя терновникомъ врата, за ними разстилаются чистыя и гладкія поля, это — поля, гдѣ ликуетъ вѣчная и нескончаемая, тихая и блаженная жизнь тѣхъ людей, которые прошли эти врата тѣсныя и претерпѣли все, все, ради Господа нашего, славы и истиннаго пути, на землѣ въ скорбяхъ и печаляхъ; тамъ же они живутъ и наслаждаются вѣчнымъ покоемъ, лицезрѣніемъ Господа Бога и пріятнымъ пѣніемъ свѣтоносныхъ ангеловъ. Возлюбленные други, можетъ, многіе изъ васъ страшатся того соблазнительнаго и обманчиваго пути, котораго ко-

нецъ такъ несчастенъ, и скорѣе вы пожелали бы пройти земную жизнь по стальнымъ игламъ и перенести все, какъ переносили предки наши. Но только, можетъ, вы утратили сознание, какое было у предковъ и скажете: Господи, какъ мы различимъ эти пути и пойдемъ вратами, за которыми разстилаются поля вѣчнаго покоя и пресвѣтлаго царства Господня? Въ этомъ, милые братцы и сестрицы, я вамъ скажу, что легко и свободно различить и знать каждому человѣку; только нужно сильно и горячо, и крѣпко вѣровать и любить Господа Бога нашего, Который для спасенія нашего не погнушался еси дѣвическаго чрева и даже пострадалъ за насъ. Почему же и намъ не любить Его, Господа Бога нашего, отъ всей души и всѣмъ сердцемъ своимъ, и любовь къ нему еще будетъ обитать совершеннѣе, если у насъ, милые, будетъ обитать миръ и согласіе и любовь другъ къ другу. Желаю и прошу васъ, братцы и сестрицы, позаботиться объ этомъ, и если вы это сдѣлаете, то сердце мое сильно и сильно будетъ радоваться о васъ, и восхвалять душа моя Отца моего небеснаго отъ края земли и до края небесъ. Еще прошу васъ, дорогіе, не ссорьтесь и не обижайте обижающихъ васъ, а молитесь за нихъ Богу, потому что они не вѣдаютъ, что творять. О Господи! Навѣрное суждено было совершиться, чтобы духоборцы раздѣлились. Хотя и страшно, други, и ужасно, что сдѣлалось, но да будетъ на все воля Отца нашего небеснаго. Но я за многихъ изъ васъ, братцы и сестрицы, боюсь, и страшитъ меня вашъ слабый и ходячій туда и сюда духъ, и, можетъ, многимъ изъ васъ еще придется поступить, какъ поступила жена Лотова; и опять скажу вамъ, други, можетъ, кого изъ васъ, правда, колеблетъ духъ сомнѣнія, то желаю вамъ отъ души подерѣпиться въ вѣрѣ Отца непостижимаго. Опять скажу вамъ, что въ стадѣ Отца словесныхъ овецъ не было и не будетъ ничего непосильнаго, и можетъ изъ васъ каждый избрать путь по своему усмотрѣнію, потому что теперь можетъ онъ думать тайно въ сердцѣ своемъ, не вѣря, что ничего нѣтъ тайнаго, что бы не сдѣлалось явнымъ.

О сиротскомъ имуществѣ, милые други, я и тогда еще сильно не желалъ, чтобы передать его судилищу кесареву. Господи, вѣрно этому всему быть и теперь, подождите до конца, чѣмъ это все кончится, а кромѣ еще ничего не начинайте—пусть владѣютъ пока, которые дерзнули на такое святотатство. О Господи, положимъ, это не первый случай въ духоборцахъ, но вѣрю и вѣрю, други, что собранное ими серебро и золото да будетъ имъ въ погибель.

Затѣмъ, милые братцы и сестрицы, посланную вами милостыню въ память святыхъ нашихъ, я все получилъ сполна. Спаси и спаси васъ, Господи, Отецъ милосердный, за ваши великіе и желанные гостинцы. И прошу васъ, милые братцы и сестрицы, что больше

мнѣ сюда ничего не присылайте. У меня всего много здѣсь, и ежеминутно благодарю Господа Бога моего и всѣхъ добрыхъ людей, спаси васъ Господи.

Прощайте, прощайте и прощайте, остаюсь живъ и здоровъ, слава Богу.

Доброжелатель вашъ и любящій васъ навсегда
Петръ Васильевичъ Веригинъ“.

Это одно изъ первыхъ писемъ, присланныхъ Петромъ Васильевичемъ изъ ссылки своимъ приверженцамъ, ударило духоборцевъ „большой партіи“ „прямо въ сердце“,—какъ говорили они мнѣ. „Мы почувствовали,—разсказывали духоборческіе старички,—что въ нашей жизни будетъ происходить многое удивительное и неожиданное. Мы поняли, душой поняли, что путь нашъ дальнѣйшій будетъ все труднѣй и труднѣй, и намъ придется идти даже по „стальнымъ игламъ“. И пришлось—даже труднѣй того“.

Въ это время на Кавказѣ у духоборцевъ былъ самый разгаръ тяжбы между обѣими партіями, и отношенія ихъ все обострялись и обострялись. „Большая партія“ черпала терпѣніе и выработывала планъ дѣйствія по совѣту своего сосланнаго руководителя. „Малая партія“ опиралась на помощь кавказской администраціи и силу денегъ. Несомнѣнно, эта тяжба завела бы слишкомъ далеко духоборцевъ обѣихъ сторонъ. Но въ 1890 г. у Петра Веригина ясно начинается новое отношеніе къ жизни и человѣческой дѣятельности. Онъ, черпая изъ ученія своихъ предковъ, изъ философіи Л. Толстого и изъ другихъ источниковъ, создаетъ довольно оригинальную систему, которая вскорѣ, черезъ посланія, совѣты и приказанія передается на Кавказъ его послѣдователямъ, и ходъ духоборческаго движенія сильно измѣняется и пріобрѣтаетъ весьма своеобразныя формы.

Нѣсколько ниже мы подробно рассмотримъ ученіе П. В. Веригина и всѣ тѣ вліянія, которыя участвовали въ выработкѣ его міросозерцанія; теперь же мы будемъ продолжать эпизодическую часть нашего разсказа и послѣдуемъ за духоборческимъ вождемъ въ г. Колу, куда, какъ мы уже знаемъ, власти перевели Петра Васильевича за его благотворительную дѣятельность въ г. Шенкурскѣ.

IV.

„Пріѣхавъ въ Колу,—разсказываетъ П. В. Веригинъ своему другу изъ уголовныхъ арестантовъ,—я завелъ знакомство со всѣми начальствующими въ городѣ, былъ приглашенъ ими къ себѣ, но къ очень немногимъ ходилъ и немногихъ принималъ у себя, во-первыхъ, потому, что не желалъ кормить сытыхъ и не хотѣлъ самъ пресыщаться. Узнавъ меня ближе, многіе меня стали упре-

вать, въ особенности жандармскій офицеръ, что я всегда возжусь съ ними, которые меня обманываютъ, и что слуги мои слишкомъ,—какъ они выражались,—фамиллярно обращаются со мной, напримѣръ: работникъ что-нибудь читаетъ въ то время, когда я починаю сапогъ, или работникъ проѣзжаетъ лошадь, когда я на-капываю навозъ у офицера для удобренія земли, и такъ далѣе. Но все же меня не притѣсняли тамъ; я жилъ свободно, ожидая конца срока, то есть четырехъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ я долженъ былъ возвратиться на родину. Срокъ, наконецъ, кончается, я жду разрѣшенія возвратиться на родину, но... увы! Въмѣсто возвращенія мнѣ прибавляютъ еще три года обязательнаго пребыванія въ Архангельской губерніи съ переселеніемъ обратно въ городъ Шенкурскъ. Распродавъ и раздавъ свое нажитое хозяйство и распростившись съ друзьями и знакомыми, я поѣхалъ обратно въ Шенкурскъ“.

Въ г. Колу П. В. Веригинъ былъ переведенъ на 29 году жизни. Здѣсь онъ, подъ давленіемъ разныхъ причинъ, все болѣе и болѣе начинаетъ задумываться надъ неправильностью общественной жизни людей и, исходя изъ примѣра своей личной жизни, начинаетъ понемногу понимать, что главная причина зла, несчастія и бѣдности людей,—это раздѣленіе на классы, на бѣдныхъ и богатыхъ, на угнетаемыхъ и угнетателей.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется дневникъ Петра Васильевича, который онъ велъ въ теченіе одного мѣсяца 1890 г. (съ 15 сентября по 17 октября включительно). Въ этой попыткѣ самоанализа есть много совершенно несущественнаго, но среди всѣхъ мелочныхъ подробностей мы находимъ нѣсколько страницъ, ясно характеризующихъ настроеніе мыслей ссыльнаго П. В. Веригина.

Такъ, подъ датой „суббота 15 сентября“ мы читаемъ: „Долженъ сказать, живу сейчасъ чуть-ли не полнымъ баринномъ, что считаю глупостью и отношусь къ дурной привычкѣ и низкой прихоти. Я имѣю даже у себя человѣка отъ отца, съ родины, Василия, и вотъ что если предстоитъ сдѣлать, то всегда почти чувства и разумъ говорятъ во мнѣ, что, дескать, и ты долженъ также раздѣлять трудъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Но жаль, что разумъ во мнѣ не можетъ перебороть инстинктивную животную прихоть, въ чемъ я думаю себя исправить. Положимъ, я иногда даже и работаю: на-дняхъ ѣздилъ вверхъ по Туломѣ за сѣномъ верстъ за 25 для своей лошади (лошадь прислана отцомъ съ родины, верховая)—и вотъ въ этой поѣздкѣ, хотя я набралъ рабочихъ, а самъ ѣздилъ въ качествѣ хозяина и для препровожденія времени, но работалъ: въ карбасахъ сидѣлъ въ веслахъ, тамъ на мѣстѣ косилъ сѣно, словомъ, хоть немного, да работалъ наравнѣ съ другими. Работать же почему меня разумъ заставляетъ и даже мнѣ хочется,—что послѣ чувствуется и ощущается

очень и очень хорошо и легко. Послѣ такого труда какъ будто бы тотъ же разумъ говоритъ: вотъ теперь хорошо и дорого для тебя и отдохнуть, и ты уже не можешь считаться полнымъ празднымъ тунеядцемъ, и потомъ, дѣйствительно, чувствуешь себя какъ-то легко и хоть немного, да правымъ на существованіе“.

„Вышедши за городъ,—продолжаетъ писать П. В. Веригинъ,— я встрѣтилъ въ окрестностяхъ мальчика лѣтъ 12-ти, собирающаго сухой кустарникъ для топки печи. Я заговорилъ съ нимъ и узналъ, что онъ сынъ бѣднаго шведа, живущаго въ Колѣ. Пошарилъ въ карманахъ, чтобы дать ему копеекъ 20 или 30, но въ карманахъ денегъ нисколько не оказалось, — думаю, хоть подсоблю тебѣ въ твоемъ трудѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ себѣ принесу полезное. И вотъ вмѣстѣ мы съ нимъ насобирали вязку хворосту (онъ носитъ, этотъ мальчикъ, дрова на себѣ)—и когда ихъ пришлось связать въ связку, я также принялъ участіе и, обладая откормленной силой, такъ потянулъ, что шнурокъ, который, можетъ, еще долго бы у него прослужилъ — лопнулъ, и, конечно, я принесъ этому мальчику скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. И сейчасъ сообразилъ, что сила, безъ разумнаго, точнаго употребленія, всегда можетъ быть силою вредной.“

Воротился на квартиру,—прибавляетъ П. В. Веригинъ, — съ болѣе озадаченной мыслью, что почему сила моя могла послужить вредомъ для того мальчика“.

Подъ датой „понедѣльникъ 24 сентября“ мы находимъ большое и очень интересное описаніе путешествія на лодкѣ П. В. Веригина въ компаніи съ нѣсколькими дровосѣками довольно далеко за Колу. Путешествіе это, полное неожиданностей, приключеній и опасностей, оставило на Петрѣ Васильевичѣ, какъ онъ выражается самъ, весьма „значущееся впечатлѣніе“.

Наконецъ, они всѣ благополучно вернулись во-свояси, и вотъ „прибывши домой,—записываетъ въ своемъ дневникѣ П. В. Веригинъ,—взошедъ въ свою квартиру, я чувствовалъ себя необычайно, ощутительно хорошо и весело, въ особенности, когда напился чаю, закусилъ и совершенно обогрѣлся. И дѣйствительно какъ не быть, даже хотя инстинктивно, такому ощущенію, потому—какое же оравненіе: сырость, холодъ, и иногда или сплошь и рядомъ жизнь мужичка сопровождается даже и голодомъ, и потомъ взять теплое, сухое помѣщеніе, одежду, какую только не придумаетъ прихоть; пища также, которую мужичку не придется въ десять лѣтъ покушать одичъ разъ, гдѣ же даже и совсѣмъ никогда. Я въ это время думалъ, что вѣдь такихъ господъ очень и очень много на свѣтѣ, которые, утративъ окончательно свойство человѣческихъ чувствъ, живутъ припѣваючи, даже сами не замѣчая того, что они дармоѣды и влчатъ жизнь на чужой счетъ. О мужичкѣ же они такъ относятся: „онъ привыченъ! Онъ такъ рожденъ!“ Спрашивается, какъ это „онъ привыченъ“? Жить-то

впроголодь на стужѣ и въ сирости? Хороша привычка! Или— „такимъ рожденъ“. Какимъ? Развѣ отъ другой женщины, какъ дармоѣды? Да, отчасти вѣрно, что привыкъ и рожденъ такъ, это справедливо, и съ одной стороны великая честь и слава свыкнуться съ такой привычкой, т. е. быть работникомъ свойственно человѣку, а не дармоѣдомъ, живущимъ по инстинкту животнаго...“

Мысль о „мужичкѣ“, переносящемъ и холодъ, и стужу, очевидно, не давала покоя Петру Васильевичу, и онъ неоднократно возвращается къ ней и въ своемъ кратковременномъ дневникѣ. и во многихъ письмахъ къ роднымъ, друзьямъ и знакомымъ.

Такъ въ „пятницу 12 октября“ 1890 г. онъ записалъ: „Пришедшая женщина была мнѣ сосѣдкой и притомъ близкой, жила только за стѣной. На вопросъ, на что же ей нужны бы были деньги, она также со слезами начала рассказъ, что она вдова, имѣетъ нѣсколько дѣтей, изъ которыхъ двое еще при ней, т. е. не выданы замужъ или, значить, не женаты, и вотъ ей денегъ нужно достать гдѣ-бы то ни было на хлѣбъ; подробности объяснила, что двое ея дѣтей, при ней находящіяся, дочь и сынъ. Дочери 17 лѣтъ, сыну 20 лѣтъ. На мой вопросъ, почему ей приходится такъ бѣдно жить, несмотря на то, что сынъ при совершенныхъ лѣтахъ, — съ плачемъ она также объяснила, что сынъ, хотя его не возьмутъ и въ солдаты, такъ какъ онъ одинъ, но не совсѣмъ уродился умный, почему и пьетъ иногда вино и, вслѣдствіе этого, даже мало думаетъ о приобрѣтеніи въ домъ чего-либо или хоть правильно-бы доставать пропитаніе себѣ, а также—по обязанности—матери и сестрѣ. И вотъ нашъ низшій классъ народа, — продолжаетъ П. В. Веригинъ, — кромѣ того, что онъ такъ забитъ, униженъ искусственно и стѣсненъ, даже и что возможно-бы, хоть немного, да все-таки лучше, вокругъ себя смотрѣть и жить,—онъ и этого уже лично самъ не хочетъ! Почему? Потому что не понимаетъ, а понятіе же жизни свойственно человѣку; ему даже не позволяютъ думать. Конечно, тогда только и возможенъ такой исходъ жизни или понятій, и потому нашъ мужичокъ чуть еще не съ колыбели свыкается съ тѣмъ, что онъ простой человѣкъ, онъ мужикъ, ему немного нужно, онъ ничего не понимаетъ да и не долженъ понимать,—почему? Опять что онъ мужикъ, что онъ рабочій человѣкъ! А если мужикъ, — что значить рабочій человѣкъ, — не говорятъ уже объ его личныхъ предубѣжденіяхъ. Даже мы это привыкли уже смотрѣть на рабочаго человѣка, какъ на не полного человѣка, и, вмѣсто того, чтобы поддержать и дать ему понять, что и онъ такой же человѣкъ, какъ и другіе, хотя кажутся, что гораздо выше стоящіе люди, — мы всѣ мѣры употребляемъ и стараемся болѣе притуплять умственность этого рабочаго человѣка, и весьма естественно и основательно поступаемъ. А

дай мы ему только понять, что и онъ такой же человекъ, какъ и мы, конечно, первымъ долгомъ онъ перестанетъ считать, а въ крайнемъ случаѣ и называть—баринномъ; во-вторыхъ, онъ въ правѣ даже будетъ себя считать иногда и не послушать насъ; а послушаетъ и сослужить службу, то ужъ и за нами посмѣетъ считать долгъ, чтобы и мы ему когда-либо да отслужили, или хотъ, по крайней мѣрѣ, мы да будемъ тогда сознавать, что „долгъ красенъ платежомъ“, а не такъ, какъ поступаемъ сейчасъ, считая этотъ самый низшій людъ въ полной формѣ за раба своего, и уже настолько утратили въ себѣ совѣсть и приличіе, что даже не сознаемъ того, что вѣдь на это намъ никто не давалъ права, а сами также если-бы мы одумались, то увидѣли-бы, что не имѣемъ на то права. То спрашивается, въ сущности, не есть-ли это безсовѣстность, инстинктивно животная прихоть, безнравственность и безразсудность этого цивилизованнаго высокаго ту-неядца, т. е. барина, за его тяжелый гнетъ на ближняго своего“?

Изъ всѣхъ этихъ записей въ дневникѣ мы ясно видимъ, что время сильно повліяло на Петра Васильевича, и онъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ ссылки глубоко заинтересовался „посторонней“ для замкнутаго духоборца жизнью. Подъ разными вліяніями у него зародились новыя мысли, которыя, развивая все болѣе и болѣе, онъ привелъ къ обобщеніямъ; а эти обобщенія легли въ основаніе всего его новаго міросозерцанія, о которомъ рѣчь впереди.

О вторичномъ пріѣздѣ Петра Васильевича въ г. Шенкурскъ намъ сообщаетъ одинъ изъ обывателей этого города слѣдующее: „Прибывъ сюда изъ Колы,—онъ (П. В. Веригинъ) радикально измѣнился къ лучшему; прежнихъ привычекъ не осталось и слѣда; водки совсѣмъ уже не пилъ. Я не беру на себя объяснить причину этого, но думаю, что способствовало, во 1-хъ, то, что онъ привезъ съ собой молодую дѣвушку, которая, по отзывамъ, была замѣчательно добрая и хорошая и имѣла на него вліяніе ¹⁾, во 2-хъ, знакомство съ политическими ссыльными оставило на немъ значительный слѣдъ и въ 3-хъ, явная склонность къ ученію Л. Н. Толстого. Прибывъ сюда вторично, Веригинъ сталъ заниматься хлѣбопашествомъ, огородничествомъ, завелъ у себя цѣлое хозяйство; возился онъ съ этимъ цѣлыя дни, самъ возилъ даже навозъ, словомъ, не боялся никакой грязной работы. Очень много помогалъ бѣднымъ. Ни одинъ обращающійся къ нему за помощью не уходилъ безъ таковой; давалъ деньги или самъ покупалъ лошадей, коровъ для немущихъ. Нищія къ нему валили толпами; онъ устраивалъ для нихъ почти ежедневно обѣды, во-

¹⁾ Эта дѣвушка, имѣвшая весьма хорошее и большое вліяніе на П. В. Веригина, вскорѣ умерла въ Шенкурскѣ. Смерть ея сильно потрясла Петра Васильевича, и съ тѣхъ поръ онъ особенно сильно измѣнился и ушелъ въ себя.

Примѣч. В. О.

замѣ покупалъ въ зимнее время теплую обувь, одежду. Словомъ, для бѣдняковъ онъ очень много помогалъ. Было, конечно, много случаевъ, что эксплуатировали его, но разобраться ему было трудно, да и, видимо, на это онъ мало обращалъ вниманія, а разъ обращаются за помощью, онъ считалъ уже нравственною обязанностью помочь“.

Занимаясь такого рода дѣятельностью, П. В. Веригинъ прожилъ назначенные ему три года.

За это же время онъ много читалъ и посылалъ много писемъ своимъ братьямъ на Кавказъ. Итакъ, приблизилось время, когда П. В. Веригинъ былъ увѣренъ, что приходитъ конецъ его мытарствамъ, и онъ сможетъ вернуться къ себѣ на родину. Жандармскій офицеръ сказалъ, — рассказываетъ П. В. Веригинъ въ уже цитированномъ нами дневникѣ уголовнаго, — „можете собираться домой на Кавказъ“. Но это были только благія мечты, которымъ вторично суждено было разбиться о суровыя мѣры административной ссылки.

„Однажды, — продолжаетъ А. С. Д., — его заветъ жандармъ къ офицеру, который объявилъ, что онъ переселяется въ городъ Березовъ Тобольской губерніи и сказалъ, что министръ предлагаетъ ему ѣхать на собственный счетъ съ провожатымъ, и это будетъ стоить 220 рублей.

Когда онъ изъявилъ свое согласіе, то ему сказали, что законъ не допускаетъ одному конвойному препровождать ссыльнаго преступника, а нужно два человѣка, что будетъ стоить 450 рублей. Веригинъ, чтобы его не заподозрили въ корыстолюбіи, купилъ на 450 рублей одежды, роздалъ ее бѣднымъ и просилъ отправить его на казенный счетъ, то есть этапнымъ порядкомъ“.

V.

Вліянія Петра Васильевича на ходъ дѣлъ въ общинѣ его закавказскихъ братьевъ, конечно, не только нельзя отрицать, но, наоборотъ, мы должны здѣсь отмѣтить, что оно было громадно. Съ ростомъ сознанія Петра Васильевича, съ развитіемъ его взглядовъ на жизнь, движеніе духоборцевъ въ Закавказьѣ принимало все новыя формы. Нужно замѣтить, что духоборческая община, принадлежа, по своему историческому происхожденію, къ циклу стараго восточнаго сектантства, является однимъ изъ отвѣтвленій такъ называемой „христовщины“. Признавая, что всѣ люди есть „сыны Божіи“, и что каждый изъ этихъ „сыновъ“, совершенствуясь, можетъ „приближаться ко Христу“, т. е. къ духовному состоянію человѣка, когда-то жившаго и познавшаго „всю премудрость предковъ“, всю истинность ихъ завѣтовъ и потому сдѣлавшагося „несравненнымъ сыномъ Божиимъ“. Этой степени совершенства, — какъ говорятъ духоборцы, — можетъ до-

стигнуть каждый, но такихъ людей,—„столбовъ до небесъ“—на свѣтѣ очень мало. Своихъ руководителей духоборцы причисляютъ именно къ такимъ „несравненнымъ сынамъ Божиимъ“, „совершеннымъ въ духѣ своемъ“, познавшимъ „истинность“. Главное отличіе духоборцевъ отъ „хлыстовъ“ („людей Божіихъ“) въ вопросѣ руководства то, что хлыстовскіе пророки приобретаютъ это высокое званіе въ силу личныхъ качествъ и дарованій. Духоборческіе же руководители преемственно передаютъ свою власть изъ рода въ родъ, отъ отца къ старшему сыну. Такимъ родомъ образовалась династія духоборческихъ руководителей, совмѣщающихъ въ себѣ духовную и свѣтскую власть и выдѣлившаяся въ особую „аристократію“ духоборческаго народа. Уже изъ этого очень краткаго абриса роли и значенія духоборческихъ руководителей въ жизни ихъ общины ¹⁾ мы ясно видимъ, какое первенствующее мѣсто должно было занять вліяніе Петра Васильевича въ дѣлахъ и поступкахъ закавказскихъ духоборцевъ. Это вліяніе, конечно, еще болѣе усиливалось тѣмъ, что П. В. Веригинъ страдалъ въ ссылкахъ и заключеніяхъ за „правду и истину“ своего народа, за восстановленіе „сознанія своихъ предковъ“.

Очевидецъ движенія духоборцевъ начала девяностыхъ годовъ, нѣкто Н. И. Дудченко, въ своихъ воспоминаніяхъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія о томъ, какъ принимали духоборцы совѣты своего руководителя Петра Васильевича Веригина.

„Въ 1893 году,—пишетъ Н. И. Дудченко,— въ концѣ октября или въ началѣ ноября, въ духоборческое селеніе Башкичеть пріѣхали три духоборца: Иванъ Ивинъ, Василій Обѣдковъ и третій, фамилію котораго не помню. Два послѣдніе только что возвратились отъ П. В. Веригина изъ Архангельской губерніи, и, конечно, это было событіе большой важности для духоборцевъ „большой партіи“ вообще и для Башкичетскихъ въ частности. Были приглашены старички „большой партіи“, и они собрались того же дня вечеромъ въ домъ къ А., чтобы узнать, какъ живетъ ихъ братъ и руководитель въ изгнаніи, и какія вѣсти онъ шлетъ имъ черезъ пріѣхавшихъ.“

Будучи знакомъ съ хозяиномъ того дома, въ которомъ собрались духоборцы привѣтствовать своихъ братьевъ, пріѣхавшихъ изъ далекой стороны, да и вообще со всѣми Башкичетскими духоборцами, я былъ приглашенъ тоже.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, передачи поклоновъ и разспросовъ о здоровьѣ, пріѣхавшіе стали рассказывать о жизни П. В. Веригина и передавать его совѣты, посылаемые всѣмъ братьямъ—

¹⁾ Подробнѣй о томъ же вопросѣ мы остановимся ниже въ особой главѣ.

духоборцамъ, и его мнѣніе о томъ, что болѣе и что менѣе важно для духоборца исполнять.

Приѣхавшіе передали приблизительно слѣдующее:

Петръ Васильевичъ, размышляя о томъ, что дѣлается теперь въ духоборьи и на что духоборцы полагаютъ много силъ своихъ и устремили все свое вниманіе, а именно: заботы о возвращеніи присвоеннаго „малой партіей“ имущества, постоянная вражда съ нею изъ-за этого имущества, разбѣды по городамъ да по начальствамъ, частыя побѣдки къ нему и тому подобное,—думаетъ, что не такъ все это важно и даже, можетъ, совсѣмъ не нужно дѣлать людямъ, называющимъ себя „духоборцами“. И вотъ онъ проситъ очень всѣхъ братьевъ и сестеръ подумать объ этомъ, больше всего о томъ, что пушно дѣлать духоборцу и что въ псалмахъ духоборческихъ, которые они читаютъ каждый день, сказано.

А сказано въ псалмахъ, что не можетъ духоборецъ идти на военную службу и учиться тамъ убивать людей на войнѣ.

Не одобряетъ также духоборческое ученіе и погони за наживою, желанія приобрести себѣ и своему семейству какъ можно болѣе и обезпечить себя надолго.

Нѣтъ въ духоборческомъ ученіи, да и на дѣлѣ прежде не дѣлалось, чтобы бракъ, рожденіе или смерть сопровождались пьянствомъ и обжорствомъ, какъ это дѣлается теперь, и чтобы за невѣсту выкупъ платили, какъ за скотину какую.

Почти всѣ духоборцы, старые и молодые, мужчины и женщины и даже дѣти—курятъ. Не очень это полезно для души, а для тѣла и совсѣмъ вредно.

Всѣ духоборцы ѣдятъ мясо и рыбу. А чтобы ѣсть мясо или рыбу, нужно убить живое существо — лишить его жизни, а животному его жизнь такъ же дорога, какъ человѣку своя. И многое другое есть въ жизни духоборческой, что не соотвѣтствуетъ ихъ ученію.

Такъ вотъ Петръ Васильевичъ проситъ всѣхъ братьевъ и сестеръ подумать обо всемъ этомъ и о жизни своей, какъ она теперь проходитъ; можетъ, можно что измѣнить въ ней, а что и совсѣмъ оставить, а на мѣсто оставленнаго принять другое, болѣе подобающее для человѣка, „духоборцемъ“ именующагося.

У каждаго силы разныя и недостатки разныя. И каждый, подумавши, быть можетъ, захочетъ и сможетъ измѣнить въ своей жизни что-либо къ лучшему, чтобы приблизиться къ ученію духоборческому и быть достойнымъ именоваться такъ. А то многіе теперь считаютъ себя духоборцами только потому лишь, что носятъ синій картузъ.

Отрадно мнѣ было слышать эту рѣчь, — продолжаетъ Н. И. Дудченко,—отъ простыхъ, даже неграмотныхъ людей, обращенную къ своимъ друзьямъ и братьямъ, такимъ же простымъ и

неграмотнымъ, и призывавшую ихъ къ сознательному, разумному переустройству жизни на братскихъ началахъ. Но слушая все это, я не могъ бы допустить, при самомъ пылкомъ воображеніи, всего того, началомъ чего былъ этотъ вечеръ, этотъ тихій разговоръ,—хотя въ комнатѣ было человекъ около двадцати,—безъ преній, безъ яростныхъ опроверженій противника, шума и гама, какіе бывають обыкновенно на собраніяхъ, гдѣ рѣшаются вопросы якобы большой важности ¹⁾.

На слѣдующій день Василій Обѣдковъ и два его товарища уѣхали въ Бугдаши ²⁾ въ духоворческія селенія, чтобы передать привѣтъ Петра Васильевича всѣмъ тамошнимъ духоворцамъ и его просьбу поискать каждому въ самомъ себѣ недостатки, чтобы исправить ихъ и упорядочить жизнь, непосредственно ихъ окружающую.

Прошло нѣсколько дней послѣ описаннаго выше вечера, и я сталъ замѣчать, къ удивленію своему, что Башкичетскіе духоворцы, почти всѣ курившіе раньше,—не курятъ. Меня это очень поразило и заинтересовало, и я сталъ спрашивать своихъ друзей-духоворцевъ, что это значитъ. На это мнѣ отвѣтили, что въ первое же воскресенье, послѣ пріѣзда трехъ упомянутыхъ выше духоворцевъ, на собраніи послѣ богомоленія, передано было старичками всѣмъ присутствующимъ все, что было говорено на томъ вечерѣ, и предложено было перестать пить водку и вино, курить, не платить выкупъ за невѣсту и не сопровождать пиршествами семейныя событія, какъ-то: свадьбу, рожденія, смерти и тому подобное. Выслушавши это, я покачалъ въ сомнѣніи головой и замѣтилъ, что это выходитъ какъ будто приказаніе, а вѣдь приказанія, какъ я понималъ, не было.

— Да такъ ужъ старички рѣшили,—отвѣтили мнѣ духоворцы,—рѣшили попробовать, ежели снесемъ это, то тогда и другое будемъ исполнять, а нѣтъ,—ну, тамъ видно будетъ.

Прошелъ мѣсяцъ, другой. Чувствовалась какая-то натянутость, неловкость между духоворцами селеній Башкичета, Караглисъ и Ормашедъ. Хотѣлось покурить, выпить иногда, а неловко другъ передъ другомъ; приходилось прятаться. Атмосфера создавалась

¹⁾ Н. И. Дудченко упускаетъ только одно существенное обстоятельство: на тѣхъ шумныхъ собраніяхъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, „противники“, или спорящія стороны отстаиваютъ тѣ или иные принципы; на этомъ же духоворческомъ собраніи выслушивались назиданія руководителя, которыя, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, принимаются духоворцами для исполненія почти безъ всякой критики, а какъ нѣчто такое, что всякій правовѣрный духоворецъ *обязанъ* исполнить. Понятно, что здѣсь „шумѣть“ было не о чемъ. *Прим. В. О.*

²⁾ Одно изъ мѣстъ духоворческихъ поселеній.

еще болѣе невыносимая. Къ тому же начались нареканія на за-
прещенія брать выкупъ за невѣсть и сопровождать свадьбу
пиромъ.

Мнѣ было ясно, что все это—тяжелое и неудобноносимое бремя
для духоборцевъ этихъ трехъ селеній, и что предполагавшееся
обновленіе умерло, не родившись.

Грустно было видѣть, какъ люди поспѣшили назвать закономъ
призывъ свободной души къ свободѣ и тѣмъ умертвили его.
Сколько прекраснаго,—прибавляетъ Н. И. Дудченко,—могло бы
выйти изъ этого призыва,—такъ мнѣ казалось тогда.

Итакъ, воззваніе къ свободному и сознательному обновленію
ихъ обветшавшей жизни, намѣренно или по невѣдѣнію, было не
понято, какъ таковое, а законъ оказался не по силамъ, и Башки-
четскіе духоборцы стали возвращаться понемногу къ прежнему
положенію ¹⁾).

Не то совсѣмъ произошло на Бугдашахъ.

Послѣ того, какъ пріѣхавшіе отъ П. В. Веригина духоборцы
побывали вездѣ и передали его предложеніе, начались собранія, на
которыхъ обсуждались всѣ вопросы, заключающіеся въ предло-
женіи, и постепенно, одинъ за другимъ, принимались.

По мѣрѣ обсужденія этихъ вопросовъ и принятія ихъ, „боль-
шая“ партія раздѣлилась. Все больше и больше находилось
духоборцевъ, которые,—относясь съ полнымъ уваженіемъ и доб-
рожелательствомъ къ предложеніямъ ихъ руководителя и при-
знавая вполнѣ, что всѣ эти поступки или вытекаютъ изъ духо-
борческаго ученія или же не противорѣчатъ ему,—отказывались
примкнуть къ новому движенію потому, что не чувствуютъ въ
себѣ достаточно силъ, въ настоящую минуту, исполнить все это ²⁾.
Такимъ образомъ, ко времени, когда это движеніе вполнѣ опре-
дѣлилось и оформилось, духоборцы „большой партіи“ раздѣлились
почти на двѣ равныя части. Причемъ, къ сожалѣнію, я дол-
женъ сказать, что отношеніе духоборцевъ, оставшихся при ста-
ромъ положеніи вещей, къ своимъ братьямъ-новаторамъ было
лучше, чѣмъ послѣднихъ къ первымъ.

Въ теченіе зимы 1893—1894 гг. духоборцы-постники посте-
пенно принимали новыя правила личной жизни: перестали пить,
курить, ѣсть мясо и рыбу и обсуждали и выработывали свое
отношеніе къ государству и свое общественно-экономическое

¹⁾ Эти духоборцы впоследствии совершенно откололись отъ послѣдо-
вателей П. В. Веригина и присоединились къ „малой“ партіи.

²⁾ Мы надѣемся въ самомъ недалекомъ будущемъ дать нашимъ чи-
тателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія о возможности неисполненія среди духо-
борцевъ,—„по слабости духа“ и „по силѣ плоти“, тѣхъ или иныхъ по-
становленій своего руководителя. На этотъ счетъ у духоборцевъ имѣются
прелюбопытныя объясненія, своего рода ученіе о компромиссѣ.

устройство. Въ то же время на частыхъ собраніяхъ, которыя бывали почти каждый день въ зимнее время, духоборцы и въ особенности молодежь заучивали псалмы и разные „вопросы и отвѣты“, при помощи которыхъ они могли бы защищать свои идеи, въ случаѣ допросовъ, судовъ и слѣдствій. Духоборцы знали напередъ, что ихъ поступки непременно навлекутъ на нихъ жестокия гоненія и въ этомъ случаѣ никогда себя не обманывали, а скорѣе наоборотъ: были готовы къ гораздо худшему, чѣмъ имъ пришлось перенести.

Прошелъ 1894 г., который для духоборцевъ-постниковъ былъ самымъ интенсивнымъ въ ихъ умственной жизни. За этотъ годъ ими были обсуждены почти всѣ вопросы нравственности, общественно-экономическіе и государственные. Поразительна та смѣлость и отвага, съ которыми они принимали или отвергали извѣстныя положенія; для нихъ не было понятій: „можно исполнить“, „нельзя исполнить“, а было: „разумно“, „должно исполнить“, и разъ разумно и должно, то само собою разумѣется, что исполнено будетъ.

Въ концѣ января 1895 года, мнѣ пришлось побывать на Бугдашахъ въ нѣкоторыхъ духоборческихъ селеніяхъ. Къ этому времени они уже пришли къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ: полное вегетаріанство, безбрачіе для молодыхъ людей, еще не женатыхъ, прекращеніе супружескаго сожителства для женатыхъ (какъ мѣра временная, чтобы не имѣть маленькихъ дѣтей, которыя затрудняли бы положеніе при ожидавшихся гоненіяхъ, а отчасти, можетъ, и изъ нравственныхъ побужденій) и переустройство жизни съ частной семейной собственностью въ общинную. Въ данное время ихъ внѣшняя дѣятельность выражалась, главнымъ образомъ, въ послѣднемъ. Устраивались общественныя мастерскія различныхъ ремеслъ: столярныя, кузнечныя, сапожныя, швальныя, слесарныя и тому подобныя...

Этотъ простой, бытописательный разсказъ Н. И. Дудченко еще разъ подтверждаетъ намъ, сколь огромно было—скажемъ отъ себя „и есть“,—вліяніе П. В. Веригина на весь ходъ событій, совершившихся въ духоборческой закавказской общинѣ десять лѣтъ тому назадъ. Духоборцы,—эта оригинальная частица русскаго народа,—выработали въ своей средѣ совершенно особенную форму общежитія, на манеръ прежнихъ теократическихъ государствъ. Ихъ руководитель, такъ сказать, глава церкви и верховный свѣтскій вождь,—соединилъ въ себѣ начало законодателя, судьи, совѣтника, брата и организатора всей общины. Онъ даетъ толчекъ и направленіе всей жизни этой общины; „сѣздки“ и „сходки“ разрабатываютъ проблемы, брошенныя руководителемъ въ ихъ сферу; народъ духоборческій, признавая

надъ собою власть руководителя, зная силу и значеніе рѣшеній „старичковъ“, покорно, съ полной охотой, а иногда и противъ своего желанія,—исполняетъ все, что выработаютъ двѣ эти верховныя инстанціи. Этотъ принципъ жизни объединилъ и крѣпко цементировалъ всѣхъ духоборцевъ и далъ имъ силы на осуществленіе того, что задумалъ въ тиши сѣверной ссылки ихъ руководитель, что воспринялъ совѣтъ старичковъ, и что выполнилъ съ такой изумительной твердостью духоборческій народъ.

Однако, вернемся къ П. В. Веригину, котораго мы оставили на пути въ Москву, съ этапомъ арестантовъ.

VI.

Въ письмѣ къ N. N. отъ 28 ноября 1894 г. (со станціи „Оларевская“) — Петръ Васильевичъ писалъ: „Наконецъ-то я иду въ вашу Москву... И какъ бы вы думали?... По этапу, голубчикъ мой, съ солдатами.“

Дѣло въ томъ, что, по предписанію министра, я переведенъ изъ Шенкурска въ Березовъ Тобольской губ. Причина перевода та, что нѣсколько разъ я получалъ предостереженіе не кормить нищихъ, а также помогать нищимъ... На что я, въ послѣднее время, отвѣтилъ, „что не могу слушаться васъ болѣе, чѣмъ Господа Иисуса Христа. Потому я это дѣлаю, что онъ призываетъ поступать такъ“.

И вотъ П. В. Веригинъ 4 декабря 1894 года пришелъ съ этапомъ въ г. Москву въ Бутырскій пересыльный замокъ.

Въ Бутыркахъ Петръ Васильевичъ познакомился лично въ первый разъ съ однимъ изъ дѣятелей кружка Л. Н. Толстого, съ Евгеніемъ Ивановичемъ Поповымъ. Какъ объ этомъ знакомствѣ, такъ и о знакомствѣ самого Льва Николаевича съ нѣкоторыми духоборцами, находившимися въ то время въ Москвѣ, рассказываетъ П. И. Бирюковъ слѣдующее:

„Зимой 1894—95 года, въ Московской пересыльной тюрьмѣ содержался нашъ знакомый Изюмченко, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь за отказъ отъ воинской повинности и поджидавшій въ Московской пересыльной тюрьмѣ весенняго этапа. Мы ходили навѣщать его по четвергамъ и воскресеньямъ, то есть въ пріемные дни. Сначала видѣлись съ нимъ черезъ рѣшетку, а потомъ, когда Изюмченко перевели въ башню къ политическимъ, продолжали наши свиданія съ уголовнымъ арестантомъ Д., который подружился съ Изюмченко въ тюрьмѣ и испыталъ на себѣ его благотворное вліяніе.“

Въ одинъ изъ пріемныхъ дней,—продолжаетъ П. И. Бирюковъ,—въ тюрьму пошелъ на свиданіе съ Д.—Евг. Ив. Поповъ. Придя домой, рассказалъ, что видѣлъ въ тюрьмѣ П. В. Веригина

за рѣшеткой съ арестантами, а передъ рѣшеткой въ числѣ пришедшихъ на свиданіе видѣлъ другихъ трехъ духоворцевъ, съ которыми и познакомился.

Конечно, мы всё рѣшили въ слѣдующій пріемный день итти въ тюрьму на свиданіе, но Евгенийъ Ивановичъ объявилъ, что духоворцы, пріѣхавшіе на свиданіе съ Веригинымъ, сказали ему что Веригина на другой же день вечеромъ отправляютъ особымъ этапомъ въ Сибирь, такъ что видѣть его больше нельзя. Оставалась только возможность повидать друзей Веригина, что мы и исполнили. Вечеромъ того же дня, часа въ 3—4, мы отправились въ гостиницу „Петербургъ“ къ Краснымъ воротамъ.

Съ нами пошелъ и Л. Н. Толстой, который также мало зналъ о духоворцахъ, но интересовался ими, потому что слыхалъ о новомъ религіозномъ движеніи, начавшемся въ ихъ средѣ.

Мы вошли въ большой, просторный номеръ гостиницы и увидали трехъ рослыхъ мужчинъ въ особыхъ, красивыхъ, полукрестыанскихъ, полуказацкихъ одеждахъ, привѣтливо, съ нѣкоторою торжественностью, поздоровавшихся съ нами. Это были духоворцы: братъ Петра Веригина—Василій Васильевичъ Веригинъ, Василій Гавриловичъ Верещагинъ, умершій на пути въ Сибирь, и Василій Ивановичъ Обѣдковъ. Всѣхъ насъ поразилъ скромный, но достойный видъ этихъ людей, представлявшій не мѣстную, но какъ будто расовую или, по крайней мѣрѣ, національную особенность; никому изъ насъ ни раньше, ни послѣ не приходилось встрѣчать подобныхъ людей внѣ духоворческой среды.

Мы, а по преимуществу Л. Н. Толстой, стали разспрашивать ихъ о ихъ жизни и взглядахъ. Короткое время свиданія и малое знакомство съ ихъ прошлымъ не позволило намъ вдаваться въ подробности, и мы могли обмѣняться только общими положеніями. На большую часть вопросовъ Льва Николаевича по поводу наслія, собственности, церкви, вегетаріанства, они отвѣчали согласіемъ съ его взглядами, а на вопросъ о томъ, какъ же они все это прилагаютъ къ жизни, они отвѣчали съ какою-то таинственностью, что все это только у нихъ начинается, что теперь кое-кто такъ думаетъ и живетъ, а скоро всё открыто присоединится къ нимъ. Одинъ изъ трехъ духоворцевъ, именно Василій Обѣдковъ, ѣхалъ съ нимъ (съ П. В. Веригинымъ) въ Сибирь въ качествѣ провожатаго, а другіе два,—Веригинъ и Верещагинъ,—отправлялись на Кавказъ, везя своимъ духовнымъ братьямъ-духоворцамъ завѣты ихъ руководителя о христіанской жизни.

Побесѣдовавъ съ ними около часу и передавъ имъ нѣкоторыя книги и рукописи („Царство Божіе внутри васъ“ Л. Н. Толстого и нѣкоторыя другія), которыя, какъ намъ казалось, могли интересовать ихъ, мы стали собираться домой. Прощаясь

съ ними, Левъ Николаевичъ попросилъ ихъ писать о ходѣ ихъ дѣлъ. Веригинъ вынулъ записную книжку и, обращаясь къ Льву Николаевичу, сказалъ: „пожалуйста, напишите, кто вы такой и какъ вамъ писать“. Левъ Николаевичъ записалъ свой адресъ. И миѣ,—прибавляетъ П. И. Бирюковъ,—часто наблюдавшему встрѣчу Льва Николаевича съ другими людьми и замѣчавшему то волненіе, которое производитъ на людей его имя,—показалось страннымъ, что на духоборца оно не произвело видимаго впечатлѣнія. Очевидно, онъ, если и слыхалъ раньше о Толстомъ, тутъ отнесся къ нему, какъ къ совершенно обыкновенному человѣку, какъ и къ каждому изъ насъ, то есть какъ къ человѣку, выразившему имъ участіе.

Больше мы ихъ не видали. Вскорѣ мы узнали, не помню уже какимъ путемъ, что всѣ трое нашихъ знакомыхъ были арестованы: В. Веригинъ и Верещагинъ вскорѣ по возвращеніи на Кавказъ, а Обѣдковъ уже лѣтомъ, по возвращеніи изъ Сибири¹⁾.

Пріѣздъ духоборцевъ Василя Веригина и Василя Верещагина въ Москву имѣлъ огромное значеніе въ ходѣ исторіи послѣдняго всего духоборческаго движенія. Уѣзжая изъ Москвы на Кавказъ, они везли отъ Петра Васильевича такъ называемую „благую вѣсть“, то есть окончательное и рѣшительное предложеніе Петра Васильевича отказаться „отъ всякаго участія въ дѣлахъ правительства“, какъ то: присяга, военная служба, подати и тому подобное. Эти же духоборцы везли съ собою чрезвычайно важное извѣстіе отъ своего руководителя: Петръ Васильевичъ предложилъ духоборцамъ „большой“ партіи сжечь оружіе въ ближайшій Петровъ день, что, какъ извѣстно, впоследствии и было исполнено.

Объ этомъ рѣшеніи уголовный А. С. Д. въ своемъ дневникѣ пишетъ: „сегодня рассказалъ (П. В. Веригинъ), что ихъ община, по его иниціативѣ, согласилась уничтожить все имѣющееся у нихъ оружіе, и онъ, несмотря на то, что родные просили оставить на память его ружья, не согласился, говоря, что вещь не можетъ служить памятью о человѣкѣ, а только его дѣла, и взявъ ружье, къ которому печатью прикрѣпилъ письмо къ братьямъ съ выраженіемъ радости своей о совершенномъ сожиганіи оружія, которымъ убивалась жизнь Богомъ созданныхъ животныхъ,—ружье это „послалъ сжечь вмѣстѣ со всѣми“.

Итакъ, мы видимъ, что эта огромная антимилитаристическая демонстрація была совершена духоборцами также по непосредственной иниціативѣ ихъ руководителя, Петра Васильевича Веригина.

¹⁾ Изъ рукописи П. И. Бирюкова „Мое первое знакомство съ духоборцами“.

Въ Бутырскомъ пересыльномъ замкѣ П. В. Веригинъ былъ не долго: всего съ 4 по 9 декабря, т. е. ровно шесть дней.

„Завтра, то есть въ пятницу,—записываетъ въ своемъ дневникѣ уголовный А. С. Д.,—онъ долженъ ѣхать въ Тулу. Ходилъ съ нимъ въ сборную на переключку; когда его вызвали, спросили имя, отчество и фамилію,—онъ отвѣтилъ; о вѣроисповѣданіи же своемъ добавилъ: „принадлежу къ общинѣ духоборцевъ“.

Подъ датой „пятница 9 декабря“ въ дневникѣ А. С. Д. записано всего два слова: „Веригина увели“. Послѣдуемъ и мы за нимъ.

В. Ольховской.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ исторіи русскаго духоборчества.

(Окончаніе).

ХИ.

„Я индивидуалистъ—цѣль моей жизни не бороться съ природой, а подчиняться ея законамъ“¹⁾, такъ говоритъ Петръ Васильевичъ о себѣ самомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

Отправляясь отъ этого главнѣйшаго пункта своего міровозрѣнія, П. В. Веригинъ освѣщаетъ именно съ этой точки зрѣнія всѣ стороны жизни, мысли и дѣятельности.

Разсмотримъ послѣдовательно взгляды этого оригинальнаго народнаго мыслителя.

„Подъ словомъ Богъ члены общины разумѣютъ: силу любви, силу жизни, которая дала начало всему существующему“²⁾.

„... Мы Бога чтимъ, которому подвластно все существующее, не только земля и что на ней есть, но и все, что находится во вселенной. Богъ есть *жизнь* и присутствуетъ во всемъ существующемъ и равно присутствуетъ—покровительствуетъ, какъ чело-вѣку, такъ и самой маленькой птичкѣ или насѣкомому... Богъ, котораго мы чтимъ, безмѣрно великъ и обширенъ, и вмѣстить Его въ какую-либо рамку невозможно, а тѣмъ менѣе изобразить Его. Бога возможно только ощущать душою, сердцемъ и выражать Его свойства любовью ко всему живущему, въ которомъ мы вращаемся“³⁾.—Такъ горячо и убѣжденно отвѣчалъ П. В. Веригинъ священникамъ православной церкви, вступившимъ съ нимъ въ словесное состязаніе по вопросамъ вѣры въ с. Обдорскѣ. Понимая понятіе „Богъ“, какъ самую *жизнь*, сущую и

¹⁾ Изъ письма къ уголовному А. С. Д., отъ 12 декабря, 1895 г. с. Обдорскѣ.

²⁾ См. § 4 „общихъ взглядовъ христіанской общины всемірнаго братства“.

³⁾ Изъ письма къ Л. Н. Текстому отъ 15 августа, 1908 г., с. Обдорскѣ.

единую, всегда и во всемъ проявляющуюся, Петръ Васиљевичъ и къ смерти тѣлесной относится совершенно спокойно. Онъ пишетъ:

„Смерть тѣлесная не опасна и не прекращаетъ существованія человѣка, а, напротивъ, возрождаетъ. Но, нѣтъ, человѣкъ и сейчасъ ужасно боится смерти, хотя и не можетъ умереть безслѣдно, потому что состоитъ частью одного цѣлаго въ мирѣ“¹⁾.

Но смерть, тотъ порогъ, который предстоитъ рано или поздно перешагнуть каждому изъ насъ, все-таки сильно волнуетъ Петра Васиљевича.

Въ письмѣ къ своему другу, И. Е. Конкину, онъ пишетъ: „Изъ послѣдняго письма видно, что ты немного скучаешь. Это зависитъ отъ несовершенства нашихъ воззрѣній. Тогда какъ возможно ли скучать и быть недовольнымъ, если съ нами присутствуетъ Господь Богъ въ лицѣ окружающей насъ природы. Когда мы будемъ стараться совершенствовать себя, свои душевныя качества, то, вѣрь, дорогой Ванюша, времени станетъ недоставать намъ въ жизни. Потому: тотъ порогъ, который мы должны перешагнуть въ преддверіи гроба, ужасенъ.“

Послѣднее слово я сказалъ не потому, чтобы боялся смерти, но я люблю жизнь окружающаго міра, а также и міръ, живущій во мнѣ,—это все люблю отъ полной души и сердца. Иногда бываютъ случайныя вспышки недовольства, но ихъ надо побороть уничтожать въ началѣ же, потому что это печаль, ропотъ, уныніе и, слѣдовательно, несвойственно человѣку, человѣку въ полномъ смыслѣ этого слова. А что иногда намъ живется лучше или наоборотъ—это оттого, что мы не имѣемъ духа довольства, т. е. любви къ окружающему насъ, болѣе же къ самимъ себѣ, къ своему достоинству“²⁾.

Переходя отъ вопросовъ трансцендентальныхъ къ вопросамъ земной жизни, П. В. Веригинъ стремится найти практическія объясненія своей отвлеченной мысли о смыслѣ и основахъ жизни.

Такъ какъ „жизнь“ это и есть „Богъ“, котораго мы познаемъ черезъ „силу любви“, черезъ „силу жизни“, давшей начало всему существующему, то прежде всего, несомнѣнно, человѣку необходимо знать, на чемъ должна быть основана его общественная жизнь, какъ мыслящаго существа.

П. В. Веригинъ даетъ на это ясный и краткій отвѣтъ: въ основѣ всѣхъ человѣческихъ учрежденій должна лежать полная свобода.

Въ уже цитированныхъ нами „общихъ взглядахъ“ Петръ Васиљевичъ такъ и пишетъ: „члены общины въ своемъ убѣжденіи допускаютъ полнѣйшую свободу всему существующему, въ томъ

¹⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

²⁾ Изъ письма къ И. Е. Конкину отъ 10 сентября, 1896 г., с. Обдорскъ.

числѣ и существованію человѣка. Всякая организація, установленная населеніемъ, считается незаконной“.

Поставя въ вершину угла всѣхъ общественныхъ отношеній „полную свободу“, Петръ Васильевичъ требуетъ тѣхъ же самникъ правъ и для отдѣльнаго человѣка, для отдѣльной личности.

Въ 1888 г.,—когда П. В. Веригинъ только что поѣхалъ въ ссылку, онъ писалъ своимъ братьямъ, что „въ стадѣ Отца словесныхъ овецъ не было и не будетъ ничего насильнаго, и можетъ изъ васъ каждый избрать путь по своему усмотрѣнію“ ¹⁾. Во многихъ другихъ письмахъ Петра Васильевича мы замѣчаемъ ту же настойчивую ноту, то же желаніе полной свободы для всѣхъ людей.

Въ 1897 г. онъ опять весьма опредѣленно высказывается по этому же вопросу, настаивая опять-таки на томъ, что человѣкъ долженъ быть вполнѣ свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ. „Старайтесь,—говоритъ онъ,—не принуждать ни въ чемъ другъ друга, а пусть каждый выбираетъ путь по своему желанію, потому что нашъ Богъ есть Богъ любви и свободы. Всѣ приходящіе къ истинному Богу должны приходиться по волѣ, а не по принужденію“ ²⁾.

Въ письмѣ къ духоборцамъ, заключеннымъ въ острогъ, Петръ Васильевичъ, давая имъ нѣкоторые совѣты о томъ, какъ нужно жить и питаться въ тюрьмѣ, чтобы не пасть подъ тяжестью стѣнъ каземата, въ концѣ концовъ все-таки прибавляетъ „Пусть каждый поступаетъ такъ, какъ Господь Богъ ему на душу положитъ. По моему мнѣнію, каждый человѣкъ можетъ пользоваться свободой, что ему дѣлать, что нѣтъ“ ³⁾.

Мечтая о полной свободѣ для міра и всего живущаго въ немъ, Петръ Васильевичъ наталкивается на очень важный и сложный вопросъ „добра и зла“. Если стремиться къ полной свободѣ, если все, что существуетъ, имѣетъ право свободно дѣйствовать, то какъ же тогда быть со „зломъ“? Кто и что остановитъ дѣйствіе „зла“? Какъ уберечься отъ него, и, наконецъ, что нужно дѣлать человѣку, чтобы зло—этотъ камень претенвенія жизни—все уменьшалось бы до полного исчезновенія?

И вотъ Петръ Васильевичъ пишетъ, что „по долгому моему размышленію... я пришелъ къ серьезно-душевному убѣжденію, что зло внѣшнее, видимое нами, мы не должны презирать и ненавидѣть, потому что міръ, въ своей совокупности, есть разнобразная взаимно-школа. И все то, что существуетъ, создано во

¹⁾ Изъ письма къ духоборцамъ большой партіи отъ 6 марта 1888 г.

²⁾ Изъ письма ко всѣмъ духоборцамъ большой партіи, отъ 3 марта 1897 г., с. Обдорскъ.

³⁾ Изъ письма къ духоборцамъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ, отъ 18 марта 1897 г., с. Обдорскъ.

благо...“¹⁾ и что „зло внѣшнее существуетъ не бесполезно; смотря на него, мы можемъ поучаться быть добрыми. Зло есть спутникъ добра, какъ ночь дня“²⁾. „Зло есть частичка необходимаго въ мірѣ“³⁾,—пишетъ П. В. Веригинъ,—а такъ какъ оно необходимо и такъ какъ „въ силу міровыхъ законовъ мы должны пользоваться тѣмъ, что есть“⁴⁾, то невольно является вопросъ, какую же пользу можетъ принести „зло“ человѣку?

Петръ Васильевичъ отвѣчаетъ на это такъ: „Если бы зло могло насиловать нашу волю, тогда, конечно, было бы несправедливо, а если оно служитъ только картиной для наглядности, мы не можемъ поступать, какъ намъ желательно, то есть быть добрыми или злыми, мы видимъ, что совершенно это можетъ зависетьъ отъ насъ... Если же иногда насъ силой заставляютъ быть злыми, то это ни болѣе, ни менѣе есть то, какъ только испытаніе: что дѣйствительно ли мы желаемъ быть добрыми. И въ результатѣ должны быть благодарными за то, что надъ нами работаютъ“⁵⁾.

Разсматривая вопросъ „добра и зла“, П. В. Веригинъ стремится и здѣсь оцѣнить все съ точки зрѣнія „не насилія“ надъ другой личностью, съ точки зрѣнія „полной свободы“ „всѣхъ живущихъ въ мірѣ“.

„Сейчасъ во мнѣ происходитъ,—пишетъ онъ И. Е. Коккину,—серьезная борьба въ разумѣ, въ мысли, что долженъ ли я осуждать людей или нѣтъ. Перевѣсь беретъ, что *не должно*. Но тогда, мнѣ кажется, человѣкъ утратитъ критическій разумъ, то есть не будетъ сознавать, что худо и что хорошо. Для того человѣка будетъ казаться все хорошимъ. Оно такъ и должно быть, и масса есть примѣровъ въ жизни людей,—подъ формой яростства, блаженства или святости. Истинно святой, смиренный сердцемъ человѣкъ—все предоставляетъ волѣ Господа Бога, а такъ какъ Господь Богъ благъ, то и человѣкъ, желающій стать совершеннымъ, святымъ, начинаетъ держаться абсолютной благодети, и отъ времени забывается, устраняется совершенно изъ сердца зло, отсюда и получается блаженство и названіе „блаженнаго“⁶⁾.

Но если нельзя „осуждать“, критиковать поступки людей, то что же нужно дѣлать, чтобы не „утратить критическій разумъ“, чтобы знать, что хорошо, что дурно.

¹⁾ Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 6 августа, 1895 г., с. Обдорскъ.

²⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

³⁾ Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 6 августа, 1895 г., с. Обдорскъ.

⁴⁾ Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 8 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

⁵⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

⁶⁾ Изъ письма къ И. Е. Коккину отъ 14 мая, 1897 г., с. Обдорскъ.

На этот коренной вопрос П. В. Веригинъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ въ письмѣ своемъ къ И. Е. Конкину, отъ 12 января 1896 г., изъ с. Обдорска:

„Если чтить что-либо, надо стараться приобрести идеаль въ душѣ своей и носить, т. е. жить съ нимъ постоянно, а не осуществлять подъ условнымъ назначеніемъ числа ¹⁾. Въ старину, до Христа, большая часть людей дѣйствительно такъ и понимала о празднествахъ или какихъ бы то ни было торжествахъ, или вообще о своихъ дѣяніяхъ. Помните, когда приговорили Сократа къ смерти, то приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе немедленно, потому что „въ это самое время изъ Аѳинъ отправлялся корабль „священный“, и, пока онъ не возвращался, нельзя было проливать крови“. Какъ будто неодинаково, совершить ли нехорошее дѣло въ среду ли, или въ понедѣльникъ, или при уходѣ, или при возвратѣ какого-либо судна.

Господь Христосъ упростилъ мировоззрѣніе человѣка вообще, и теперь мы ясно понимаемъ, что дѣлать что-либо худое нехорошо въ какой бы то ни было день, въ какомъ бы то ни было мѣстѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если мы уже считаемъ преступнымъ убивать человѣка, то позволительно ли думать, если я убиваю въ воскресенье—я дѣлаю преступленіе, если же въ среду—те мѣть. Или: если человѣкъ набуянить, накаверзить рѣзко въ кабацкѣ, — это ничего, если же человѣкъ учинить скандалъ въ церкви—за это онъ долженъ строго отвѣчать! Мы судимъ дѣло по мѣстонахожденію, но это остатокъ старины, древнихъ языческихъ умозаключеній. Если въ насъ есть сознаніе, что дѣлать худое дѣло вообще нехорошо, то и дни должны быть равны, потому что святость дней должна перейти въ сердце человѣка.

Намъ свойственно думать такъ: если повѣсить или наказать разбойника — это ничего, даже иногда и слѣдуетъ такъ поступить, мы говоримъ. Если же разстрѣлать святого человѣка—это грѣхъ и даже большой. Въ этомъ крупная ошибка человечества. Я думаю, что люди, которые распяли Христа, не за то должны отвѣчать передъ своею совѣстью, что убили святого человѣка, а вообще, какъ за убійство. И Христосъ, по отношенію дѣянія людей, равенъ разбойникамъ, которые распяты съ Нимъ. Важно дѣло, а не предметъ, надъ которымъ оно практикуется. Ухаживаете вы за больнымъ человѣкомъ или за болѣзненнымъ деревцемъ, все равно, потому что ваши чувства нахо-

¹⁾ Письмо это П. В. Веригинъ написалъ въ отвѣтъ на поздравленіе И. Е. Конкина съ днемъ архангела Михаила. „Дни, я думаю,—пишетъ П. В.,—равны у Господа Бога, какъ 8-ое ноября, а также 9-ое, 10-ое и 11-ое“.

Читателямъ теперь ясно, почему Веригинъ отрицательно упоминаетъ здѣсь „условное назначеніе числа“. *Прим. В. О.*

дятся въ степени *состраданія*. Въ особенности же лишать жизни, въ существованіи которой не быть участникомъ, неразумно, хотя бы пришлось лишать жизни и вреднаго, по нашему мнѣнію, животнаго. Помните женщину, которую привели фарисеи предъ Спасителемъ. Христосъ сказалъ: „брось въ нее камень, который не подверженъ грѣху“. Послѣ разошедшихся фарисеевъ Иисусъ, обратившись къ женщинѣ, сказалъ: „иди и впредь не грѣши, и Я тебя не осуждаю“.

Какой великій примѣръ для насъ, грѣшныхъ. Если человекъ, который принесъ истину въ нашъ бранный міръ, не смѣлъ осуждать, а предоставлялъ волю совѣсти, волю судьбы, т. е. Отцу-Богу, то, тѣмъ паче, мы ни въ какомъ случаѣ этого дѣлать не должны. Да хранить насъ Господь-Богъ милосердія. Дни же, о которыхъ я завелъ рѣчь, будемъ считать равными во славу Бога-Отца, который создалъ воскресенье, понедѣльникъ и всѣ остальные...

А также и мѣста—да будутъ всѣ для насъ равны, потому что вѣдь извѣстно „не мѣсто освящаетъ человека, а человекъ мѣсто“. „Суббота для человека, а не человекъ для субботы“.

Въ другомъ своемъ писемѣ П. В. Веригинъ, выходя изъ той же точки зрѣнія „не насилія“ надъ личностью, задается вопросомъ о свободѣ „себя отъ самого себя“. Зная по опыту своихъ братьевъ, онъ возстаетъ противъ того ходячаго мнѣнія, что „самосовершенствоваться“ можно и нужно „во что бы то ни стало“; онъ разсматриваетъ такое „усиленное желаніе“ какъ „насиліе“ надъ самимъ собой. И онъ признаетъ такое состояніе только „отчасти позволительнымъ“.

„Усиленное желаніе достигъ какаго-либо совершенства тоже можно считать за насиліе, но здѣсь человекъ насилуетъ лично самого себя, и это отчасти позволительно, потому Господь Богъ даровалъ намъ жизнь въ собственное владѣніе; я могу вполне распорядиться самимъ собой, но людьми, хоть бы и дѣтьми, распорядиться и навязывать имъ какія-либо правоученія я не долженъ. Господь Богъ въ силѣ управить всѣмъ существующимъ“.

Если мы и сейчасъ держимся партійности и желаемъ большаго количества перехода людей на сторону нашихъ убѣжденій,—это остатокъ старыхъ предрасудковъ. Я могу налагать свои убѣжденія передъ людьми, или, вѣрнѣе, жить такъ, какъ я хочу, но усваивать мои убѣжденія надо вполне предоставить волю людей. Быть недовольнымъ на людей (повторяю, хотя бы и на дѣтей), что они не живутъ такъ, какъ я желаю, совершенно не надо. Это самое главное—надо бы *мнѣ* побороть такую эгоистически себялюбивую мысль, а остальное все устроится само по

себя. За внѣшній міръ, за людей я не буду отвѣчать, свои же поступки я долженъ строго провѣрять“¹⁾.

Для личной жизни человѣка, по понятіямъ котораго „на землѣ все есть созданіе Господа Бога“, и, слѣдовательно, „въ міръ ненавидѣть нельзя ничего, кромѣ нехорошихъ поступковъ“²⁾ — необходимо твердо знать, что нужно ему дѣлать и отъ чего воздерживаться.

„Узнавать, что хорошо, что дурно, намъ даны совѣсть и разумъ, только надо быть строго внимательнымъ ко своимъ дѣламъ“³⁾. И такъ какъ „жизнь дана для радости, а не для борьбы какъ мы думаемъ“⁴⁾, то „мы должны сожалѣть. А сожалѣніе, есть состраданіе; состраданіе же заставляетъ любить, помогать, и пока мы будемъ ненавидѣть зло въ людяхъ, до тѣхъ поръ мы сами злы“⁵⁾. Для того же, чтобы избавиться отъ личной „злости“ и, наоборотъ, приобрести ровность и мягкость характера, для того необходимо личное нравственное совершенствованіе, необходима работа надъ собой, надъ своими страстями и, прежде всего, „самой главной необходимостью, — пишетъ П. В. Веригинъ, — считаю усвоить духъ Христа, духъ мира и любви“⁶⁾. А такъ какъ „...жизнь человѣка равна искусству, мастерству, которое заключается не въ томъ, что сколько сдѣлать по количеству и величинѣ, а въ томъ, какъ сдѣлать лучше и красивѣе“⁷⁾, то для того, чтобы „сдѣлать жизнь какъ лучше и красивѣе“, человѣку послѣ усвоенія „духа мира и любви“, необходимо дать себѣ отчетъ, какъ онъ долженъ жить. „Главною основой жизни христіанина можно считать то, чтобы быть добрымъ и честнымъ, то есть чтобы не озлобиться и не унывать, — это свойства божественнаго Духа.“⁸⁾ „При стремленіи войти въ законную истинную жизнь для насъ необходимъ тѣлесный трудъ и воздержаніе въ нищѣ“.

Тѣлесному труду П. В. Веригинъ придаетъ огромное значеніе.

Въ письмѣ къ И. Е. Конкину (отъ 16 іюля 1897 г., изъ с. Обдорска) онъ пишетъ:

„Кстати я считаю умѣстнымъ поговорить о томъ, что такое

1) Изъ письма къ И. Е. Конкину, отъ 14 мая, 1897 г., с. Обдорскъ.

2) Изъ письма ко всемъ братьямъ и сестрамъ, отъ 30 мая 1896 г., изъ с. Обдорска.

3) Тамъ-же.

4) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., изъ с. Обдорска.

5) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 6 августа, 1895 г., изъ с. Обдорска.

6) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 23 декабря, 1896 г., изъ с. Обдорска.

7) Изъ письма къ духоворцамъ, заключеннымъ въ Казахской темницѣ, отъ 4 декабря 1896 г., с. Обдорскъ.

8) Изъ письма къ родителямъ, отъ 6 марта, 1896 г., с. Обдорскъ.

большое имѣть значеніе, чтобъ каждому-бы человѣку зарабатывать самому себѣ насущный хлѣбъ. Въ особенности же я думаю про себя, но сколько ни стараюсь, не могу совершенно жить на собственные труды, т. е. привычка къ роскоши беретъ верхъ надъ умѣренностью, и это тѣмъ болѣе печально, что мы *будто бы* очень умны и имѣемъ великія познанія. Не отрицая духовнаго богатства, т. е. знанія въ человѣкѣ, я прихожу къ заключенію, что онъ долженъ все-таки собственными физическими силами зарабатывать пропитаніе, а не торговать—промѣнивать какъ бы духовный хлѣбъ на тѣлесный („даромъ получили, даромъ и давайте“). Притомъ физическій трудъ очень полезенъ и благотвѣтельно отражается даже на здоровьѣ души¹⁾.

Пищѣ П. В. Веригинъ придаетъ также очень большое значеніе, потому что „не нормальное питаніе много причиняетъ намъ вреда. Отъ неправильнаго питанія организмъ приходитъ въ неестественное состояніе, и вмѣсто того, чтобы человѣку, „созерцающа, совершенствоваться духовно“, онъ долженъ употреблять труды на борьбу съ тѣломъ, которое самъ же сдѣлалъ своимъ врагомъ“²⁾.

„Качеству“ питанія Петръ Васильевичъ придаетъ большое значеніе. Прежде всего онъ признаетъ, что питаніе мясомъ дѣйствуетъ на человѣка крайне развращающе.

„Кровожаднымъ авѣрамъ,—пишетъ онъ,—не нужно завидовать; ихъ участь не особенно выгодна“³⁾. „Человѣкъ... совершенно неестественно себя причислилъ къ разряду хищныхъ авѣрей, тогда какъ онъ могъ быть живъ и не питаясь мясомъ“⁴⁾.

„Извѣстно, что всѣ животныя, питающіяся мясомъ, злы. Имѣя такой примѣръ, я не долженъ употреблять мяса, чтобы не быть

¹⁾ Читателю, можетъ быть, покажется страннымъ, какъ это такъ, преобладающее „исконыне хлѣбопашцы“, занимавшіеся всегда „хлѣбнымъ трудомъ“, духоборцы должны выслушивать такія, казалось бы, совершенно лишнія нравоченія о необходимости физическаго труда. Эта черта въ письмахъ П. В. очень характерна. Она ясно указываетъ намъ, что въ закавказской духоборческой общинѣ до переселенія въ Канаду, глубоке уже приняло дѣленіе населенія на трудящихся и нетрудящихся. На еямомъ дѣлѣ, въ общинѣ содалось обыденное дѣленіе на хозяевъ и работниковъ. Одни духоборцы эксплуатировали другихъ, нанимая ихъ къ себѣ въ услуженіе. Такія же аристократическія фамиліи среди духоборцевъ, какъ Веригины, Калмыковы, Зубковы, Конкины жили зажиточными фермерами-крестьянами, вели широкую торговлю скотомъ, хлѣбомъ и пр. и были совершенно удалены отъ всякой обыденной крестьянской работы. Имъ пришлось вновь приучаться къ „хлѣбному труду“, послѣ того какъ они перешли на „новый путь“. Вотъ почему П. В. Веригину — этому крестьянину по происхожденію,—пришлось много говорить о „финансовомъ“ трудѣ.

Прим. В. О.

²⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

³⁾ Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., с. Обдорскъ.

⁴⁾ Тамъ-же.

взять“¹⁾. А „если мы будемъ любить все окружающее, то и сами будемъ любимы—это законъ природы, законъ Бога, только надо любить искренно, душевно, а не наружно“²⁾.

Вообще говоря, „надо бы поддерживать существованіе тѣла для жизни духа, мы же дѣлаемъ наоборотъ: поддерживаемъ духъ для жизни тѣла. Въ крайнемъ афоризмѣ это можно выразить такъ: надо бы ѣсть для того, чтобы жить, мы же живемъ для того, чтобы ѣсть“³⁾. „Самое же важное, надо достичь того, чтобы духъ управлялъ плотью, а не плоть духомъ, какъ мы живемъ“⁴⁾.

Но ввиду того, что изъ этого его взгляда, который онъ постарался пересадить въ среду своихъ приверженцевъ, сейчасъ же его ученики сдѣлали самые крайніе выводы, а изъ-за вопроса, кто ѣсть или не ѣсть мяса, возникли ссоры, раздоры, сильнѣйшія недоразумѣнія, то, чтобы устранить элементы „нравственнаго насилія“, Петръ Васильевичъ, взявъ для примѣра одинъ изъ близко ему извѣстныхъ такихъ случаевъ, писалъ своему другу И. Е. Конкину⁵⁾:

„Что если есть желаніе кушать какую либо пищу, не надо нисколько стѣснять, а предоставить полную свободу.—Да и вообще, если мы оставили кушать мясное, надо смотрѣть, какъ на собственное желаніе каждаго человѣка, потому что главная основа въ безубойномъ питаніи *воздержаніе* и доказательство кротости человѣка, если онъ не убиваетъ живую тварь для насыщенія желудка, и, слѣдовательно, если весь міръ будетъ воздерживаться и не убивать, а я буду золь и заботиться о мамонѣ исключительно, то пользы для меня будетъ очень мало черезъ тѣхъ людей, которые воздерживаются. И, наоборотъ, мое воздержаніе нисколько не принесетъ пользы, если люди сами не проведутъ въ свою собственную жизнь что-либо разумно-полезное. Все же разумное не проводится, не должно проводиться насиліемъ со стороны“⁶⁾.

Настойчиво проповѣдуя умѣренность въ пищѣ, а также и вообще уменьшеніе потребностей, Петръ Васильевичъ, кромѣ всѣхъ этическихъ причинъ, находить, что „отъ воздержанія

¹⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ

²⁾ Изъ письма къ разселеннымъ духоборцамъ, отъ 5 января, 1896 г. изъ с. Обдорска.

³⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., изъ с. Обдорска.

⁴⁾ Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., изъ с. Обдорска.

⁵⁾ Надо имѣть ввиду, что письма П. В. Веригина, къмъ бы они ни были получены изъ духоборцевъ, немедленно переписывались во многихъ экземплярахъ и широко распространялись среди всѣхъ духоборцевъ.
Прим. В. О.

⁶⁾ Изъ письма къ И. Е. Конкину отъ, 14 мая, 1897 г., с. Обдорскъ.

сохраняется большая экономія, и хлѣбъ насущный самъ по себѣ явится въ томъ домѣ, гдѣ водворится воздержаніе“ ¹⁾.

Несмотря, однако, на такое стремленіе къ ограниченію „плоти“ П. В. Веригинъ отнюдь не ратуетъ за аскетизмъ; наоборотъ, онъ опредѣленно говоритъ, что „тѣло наше, по моему разумнію, не для того намъ дано, чтобы мы вели съ нимъ вѣчную борьбу, или оно вводило бы душу нашу въ соблазнъ“ ²⁾, а потому, „насиловать тѣло искусственно, какъ то: носить тяжести, имѣть „вериги“ и тому подобное считаю совершенно незаконнымъ“ ³⁾. Наоборотъ, „мы должны любить „совершенствоваться“ и тѣло, но не столько, чтобы покладать въ немъ основу жизни“ ⁴⁾. И хотя „...тѣлесныя узы“ ⁵⁾ возвышаютъ духъ, черезъ терпѣніе“ ⁶⁾, не надо все-таки помнить, что „воспринимать гуманныя идеи нужна бодрость и гибкость ума. Умъ же зависитъ,—какъ извѣстно,—отъ здоровья всего организма“ ⁷⁾. Въ особенности „много значить воспитаніе тѣлесное. При роженіи дѣтей, полагаю, нормальное воспитаніе, тѣлесное, то есть питаніе, больше имѣетъ значенія, чѣмъ духовное. Разумъ самъ разовьется подъ впечатлѣніемъ всего, видимаго“ ⁸⁾.

Вообще для жизни,—по мнѣнію П. В. Веригина—„одной нравственно-моральной проповѣди недостаточно, потому что наша моральная система сопряжена съ вещественной, то есть потому, что духъ соединенъ съ плотью, душа наша облечена во плоть“ ⁹⁾.

Но такъ какъ „труду есть причина наша ѣда, и наоборотъ: ѣда есть причина труда,—въ особенности усиленной физической дѣятельности“ ¹⁰⁾, то, спрашивается, долженъ ли трудъ, какъ таковой, лечь въ основу жизни человѣка, или въ основу жизни человѣка должно лечь что-либо другое, а трудъ явится только вспомогательнымъ средствомъ для совершенствованія личности?

Петръ Васильевичъ говоритъ по этому вопросу такъ: „хотя я и сказалъ, что при духовномъ совершенствованіи необходимы спутники,—трудъ и воздержаніе,—но въ основу жизни человѣка я не ставлю трудъ. Причина труду есть наша потребность. Чѣмъ больше мы будемъ ѣсть и изнашивать одежды, тѣмъ мы должны будемъ больше работать и наоборотъ. Трудъ необходимъ и для

1) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

2) Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 12 декабря, 1895 г., с. Обдорскъ.

3) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

4) Тамъ-же.

5) Т. е. страданія въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ и пр. *Прим. В. О.*

6) Изъ письма къ родителямъ, отъ 22 ноября, 1895 г., с. Обдорскъ.

7) Изъ письма къ П. И. Вирюкову отъ 10 декабря, 1896 г., с. Обдорскъ.

8) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

9) Тамъ-же.

10) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 10 января, 1896 г., изъ с. Обдорска.

того, чтобы убивать силу-бодрость тѣла, но если вы будете мало ѣсть, само по себѣ у васъ не будетъ лишней силы и бодрости. Если бы возможно,—а это возможно,—воспитать дитя совершенно законно, то тому человѣку и въ зрѣломъ возрастѣ можно бы свободно обходиться безъ труда, чтобы жить человѣчно¹⁾.

„Историческое преданіе, что человѣку суждено: „онъ долженъ доставать хлѣбъ въ потѣ лица своего“, можно считать достовернымъ. Произошло это естественно. Человѣкъ утратилъ состояніе положенія „гостя“, возмечталъ стать хозяиномъ на землѣ; отъ этого родился страхъ ответственности за свою личную сохранность. Онъ сталъ усиленно заботиться о своей жизни и власти, чтобы удержать ихъ. Измучился и, увидавъ тщету своихъ заботъ,—мы и видимъ, что тѣлесная жизнь и власть не постоянны,—онъ пришелъ въ раскаяніе, и тогда родился человѣкъ, который провозгласилъ, „что не однимъ хлѣбомъ можетъ быть живъ человѣкъ“. Этимъ призывомъ Христосъ освобождалъ человѣка отъ рабства физическаго неестественнаго труда, какъ вола отъ ярма, и соединялъ его съ Богомъ, то есть чтобы человѣкъ довѣрялся законамъ природы и сталъ на прежнее состояніе „гостя“, столь же съ явствами для него будетъ ниспосылаемъ отъ хозяина“²⁾.

„... Человѣку не нужно дѣлать, а только соверщать, любоватьсѣ существующимъ. Что мы находимся и подвержены болѣе физической дѣйствительности,—во грѣхѣ родила меня мать моя,—это фактъ, но мы должны постепенно выходить изъ прежняго до-Христа-родства и строго принять къ свѣдѣнію первый призывъ Спасителя: „оставьте сѣти и слѣдуйте за мной, я сдѣлаю васъ ловцами человѣковъ“. Изъ этого ясно вытекаетъ то, что люди постепенно, если желаютъ сдѣлаться христіанами,—а мы должны дѣлаться христіанами,—должны оставлять физическій трудъ и идти благоговѣтвовать Евангеліе, то есть Христа. „Возьми крестъ свой и слѣдуй за мной“, а слѣдовать за Христомъ,—надо жить такъ, какъ онъ жилъ, а мы видимъ, что Христосъ физически ничего не работалъ, а также и апостолы³⁾.

„Развитія постепеннаго вообще я не отрицаю, но думаю, что если бы человѣчество, вмѣсто виѣшней стороны развитія употребило бы или вѣрнѣе издержало бы хоть половину силъ своихъ на духовное совершенствованіе, то было бы гораздо счастливѣе, чѣмъ оно сейчасъ есть. Совершенствуясь же виѣшне, украшая себя наружно, мы духовный міръ оставляемъ безъ вниманія.

¹⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

²⁾ Тамъ-же.

³⁾ Тамъ-же.

Человѣкъ, по моему мнѣнію, призванъ, созданъ на духовную жизнь—совершенствованіе“... 1)

Свою теорію „уменьшенія потребностей“ и стремленія къ естественному, опрощенному, образу жизни П. В. Веригинъ формулируетъ такъ:

„Въ моей теоріи, то есть разумѣніи, порядокъ существующаго сложился бы такъ: либо оставляя постепенно, одинъ за другимъ работать физически,—пошли бы и стали проповѣдывать миръ и благоволеніе, которое сопряжено съ воздержаніемъ. Хлѣба и такъ много, только надо сокращать жадность. Земля, освобождаясь отъ насилиа человѣческихъ рукъ, стала бы пополняться всѣмъ тѣмъ, что ей положено *предълами*. Я не представляю даже бѣдствій человечества, если бы оно и поддаюсь такой теоріи, потому что, питаюсь умеренно, человечеству всего съѣсть того, что уже есть на лицо, хватило бы на сто лѣтъ; за сто же лѣтъ земля бы успѣла совершенно одѣться и прійти въ первобытное состояніе. И человечество вмѣстѣ съ духовнымъ ростомъ, который утратили Адамъ и Ева, получило бы естественный земной рай“ 2).

Довода это отрицаніе современной цивилизаціи до конца, Петръ Васильевичъ пишетъ, что „... къ наготѣ тѣлесной,—духовная нагота куда печальнѣй, — постепенно люди тоже привыкли бы“ 3), потому что „человѣкъ, какъ атомъ въ личной жизни, долженъ бы быть подверженъ общей гармоніи мірозданія, но почему-то не хочетъ поддаваться ея покровительству“ 4).

Когда Петру Васильевичу говорятъ, что своей теоріей онъ хочетъ разрушить всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя человечествомъ за долгій періодъ жизни, то онъ отвѣчаетъ: „что человѣкъ не для физической дѣятельности созданъ, а для духовной“ 5) и что онъ держится „такого девиза: „прежде чѣмъ приносить пользу, не нужно дѣлать вреда“, а также, „прежде чѣмъ помогать, не нужно обирать“ 6).

Имѣя такіе взгляды на жизнь, П. В. Веригинъ относится совершенно отрицательно къ государству и частной собственности. „Соглашаться на всѣ требованія кесаревской „организаціи“ значитъ участвовать въ ихъ дѣлахъ, а дѣла, мы видимъ, ихъ нехороши. Деньги мы считаемъ обязанными себя отдавать имъ, сколько бы они ни потребовали, потому что это значки, выдуманные ими“ 7).

1) Тамъ-же.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

4) Изъ письма къ И. М. Трегубову отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

5) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

6) Тамъ-же.

7) Тамъ-же.

Относительно же частной собственности онъ говоритъ: „Богатства копить, я думаю, излишній трудъ: вѣдь и такъ все видимое почти что принадлежитъ человѣку; стараться же забирать все въ однѣ руки—неразумно“ ¹⁾. „А что люди, по жадности, забираютъ его (хлѣбъ) въ однѣ руки и называютъ своимъ, это насъ также не должно смущать: все имѣющееся принадлежитъ Богу, какъ и мы, и тѣ, которые имѣютъ хлѣбъ, слѣдовательно, и пользоваться хлѣбомъ, хотя и мнимо чужимъ, не предосудительно“ ²⁾.

Такъ какъ, „свободные“ взгляды Петра Васильевича должны постоянно приходиться въ столкновение съ существующимъ строемъ жизни, и такъ какъ эти столкновения должны чѣмъ-либо разрешаться, то онъ и рекомендуетъ, не подчиняясь ни одному требованію правительства, противному совѣсти, однако не мѣшать правителямъ дѣлать свое „дѣло насилія“. Этотъ свой совѣтъ П. В. Веригинъ основываетъ на томъ, что онъ глубоко вѣритъ что сила любви, сила правды и истины, сила стойкаго несполненія того, что противъ совѣсти, въ концѣ концовъ, сломить грубую, физическую силу, и люди, не желая быть врагами себѣ, самимъ,—перекуютъ мечи на орала и заживутъ братской жизнью. Вотъ почему „можно доказывать справедливость со смиреніемъ на словахъ, а рукамъ злой воли не давать, иначе это выйдетъ настоящая война, пока сильнѣйшій тѣломъ не побѣдитъ слабѣйшаго,—какъ оно и есть въ непросвѣщенномъ мірѣ. Сила же духовная, Божья, показывается въ смиреніи и кротости человѣка“ ³⁾.

„Иногда мы думаемъ,—говоритъ также П. В. Веригинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—что, притѣсняя людей нехорошихъ, мы думаемъ, что дѣлаемъ угодное Богу доброе дѣло, то есть не даемъ имъ дѣлать худого дѣла. Въ этомъ большая наша ошибка, потому что мы должны понять, что жизнь человѣка заключается не въ томъ, чтобы устанавливать законъ и правило, а въ томъ, чтобы исполнить законъ Бога. А законъ Бога повелѣваетъ любить враговъ своихъ, а не препятствовать имъ“ ⁴⁾. „Ропотъ же и безпокойство за матеріальное благополучіе я считаю уже большимъ соблазномъ и упущеніемъ для души“ ⁵⁾. Важно то, чтобы безъ ропота переносить укоризны за истину. Но важнѣе и то: чтобы, хотя и страдать, то надо за истину“ ⁶⁾.

¹⁾ Изъ письма къ разселеннымъ духоборцамъ, отъ 5 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

²⁾ Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

³⁾ Изъ письма ко всемъ духоборцамъ большой партіи, отъ 4 декабря, 1896 г., с. Обдорскъ.

⁴⁾ Изъ письма къ духоборцамъ, заключеннымъ въ Казахской темницѣ, отъ 4 декабря, 1896 г., с. Обдорскъ.

⁵⁾ Изъ письма къ Е. И. Попову, отъ 8 января 1896 г., с. Обдорскъ.

⁶⁾ Тамъ-же.

Отрицая полезность современной цивилизаціи, П. В. Веригинъ подвергаетъ своей критикѣ также „грамотность“ и „образованность“. И въ томъ, и другомъ онъ находитъ много того, что не только не вызываетъ у него никакого оочувствія, но, наоборотъ, поднимаетъ сильнѣйшій протестъ.

„Образованность,—пишетъ онъ,—усваивается для эксплуатаціи и произвола. Возражая мнѣ, универсантъ входилъ въ экстазъ: „Помилуйте, говорятъ, вѣдь я сколько истратилъ на свое воспитаніе и образованіе?!“—Какъ видите, „образованность“ настолько глупа, что даже не замѣчаетъ, что она существуетъ на простонародныя средства, то есть труды“¹⁾. Въ этомъ же письмѣ онъ пишетъ: „... „образованный“ человекъ неправильно поступаетъ, эксплуатируя трудъ „неграмотнаго“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ по этому же поводу онъ пишетъ: „...Если мы кичимся разумностью органической, то есть образованностью, то вѣдь мы ее получили на родовыя средства и неразумно полагаемъ, что образованность пріобрѣтается для эксплуатаціи“³⁾.

„Грамотность“ и „образованность“ являются орудіемъ эксплуатаціи трудящихся массъ,—вотъ почему, по преимуществу, Петръ Васильевичъ отрицаетъ и то, и другое. Это отрицаніе вполне естественно вытекаетъ не только изъ всего хода развитія теоретической мысли П. В. Веригина, но и изъ того жизненнаго опыта, который онъ пріобрѣлъ во время своей скитальческой жизни. Видя, какъ повсюду „грамотное“ и „образованное“ чиновничество обираетъ народъ, зная, какое огромное общественное зло несутъ съ собой „грамотные“ и „образованные“ различные миссіонеры съ ихъ церковно-приходскими школами; часто наблюдая то ужасное, растлѣвающее вліяніе „грамотности“, полученной крестьянами въ военныхъ полковыхъ школахъ, съ ихъ пресловутой „словесностью“, включающей въ себя такое отвратительное произведеніе, какъ извѣстная „солдатская памятка“,—зная и видя все это, Петръ Васильевичъ рѣшительно умозаключаетъ: Наука—грамотность въ частности, можно сказать, только тормозитъ развитіе человека, развитіе знанія истинны“⁴⁾.

„Да это почти провѣренный мною взглядъ,—пишетъ онъ въ томъ же письмѣ, — что лучше бы было, если-бы не было грамотности“⁵⁾.

Кромѣ всего этого, П. В. Веригину кажется, что грамотность не совсѣмъ полезна и при отысканіи истины, смысла жизни.

1) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 26 марта, 1896 г., с. Обдорскъ.

2) Тамъ-же.

3) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 10 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

4) Изъ письма къ И. Т. Трегубову, отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

5) Тамъ-же.

„Въ такомъ дѣлѣ,—говорить онъ,—какъ исканіе истины, не слѣдуетъ довѣряться книгѣ. Каждая книга не совершенна“¹⁾. И хотя „книги много помогаютъ въ разрѣшеніи вопросовъ, но также иногда и много затрудняютъ. Тогда какъ вашъ собственный голосъ призыва никогда васъ не обманетъ, лишь бы ваши желанія были искренни, то есть чтобы полностью присутствовала душа. И если замѣчаются колебанія, не нужно начинать дѣйствовать“²⁾.

П. В. Веригинъ не соглашается также и съ тѣмъ, какъ многіе утверждаютъ, „что грамотность служить важнымъ пособникомъ въ развитіи нравственнаго и умственнаго хода человѣка, по моему мнѣнію, это ошибочно. Вспомните, сколько было нравственно-разумныхъ людей совершенно неграмотныхъ, да можетъ сейчасъ есть нѣсколько милліоновъ: наоборотъ, всмотритесь въ грамотный людъ, и безъ пристрастія можно сказать, что очень и очень громадный процентъ изъ нихъ мошенники и шулера“³⁾.

Однимъ словомъ, современную грамоту „для народа“ П. В. Веригинъ ставитъ ниже „живого слова“, онъ предпочитаетъ устную, свободную пропаганду: „Получаете ли вы изъ „Посредника“ книжки?—спрашиваетъ онъ своего друга И. Е. Конкина.—Въ перепискѣ со знакомыми я отстаиваю преимущество *живого слова* надъ мертвой книгой. Ев. Ив. и П. И. Бирюковъ—редакторъ „Посредника“—какъ бы соглашается со мной; Левъ же Николаевичъ и Ив. Мих. говорятъ, что грамотность не мѣшаетъ. Дѣло въ томъ, что средства, посредствомъ которыхъ воспроизводится грамотность, поглощаютъ много расходовъ, а, слѣдовательно, и излишняго труда. Я полагаю, самое важное: примѣръ доброй и справедливой жизни, что возможно достигъ неграмотному. Изъ живущихъ же праздно и безнравственно—большая часть грамотныхъ людей“⁴⁾.

Но изъ этого отрицательнаго отношенія къ современной постановкѣ образованія, дающей „грамотность“ по преимуществу въ руки эксплуататоровъ, вовсе не слѣдуетъ дѣлать того заключенія, что П. В. Веригинъ совершенно не признаетъ пользы отъ книгъ, грамотности и образованія. Наоборотъ, всему этому онъ придаетъ большое значеніе, но, повторяемъ, онъ совершенно отрицаетъ современную постановку этого дѣла, въ особенности народную школу.

„Я хотя и противъ грамотности,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ,—но грамотность я считаю, какъ часть цивилизаціи, которую, то есть цивилизацію, какъ она сейчасъ

1) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 5 августа, 1895 г. с. Обдорскъ.

2) Тамъ-же.

3) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 12 Декабря, 1895 г. с. Обдорскъ.

4) Изъ письма къ И. Е. Конкину, отъ 16 іюня, 1897 г., с. Обдорскъ.

есть,—я считаю незаконной, въ томъ числѣ, конечно, и грамотность. Но лично противъ грамотности я ничего не имѣю“¹⁾.

„Вы не примите такъ, что я не признаю книгъ“²⁾,—спѣшить въ одномъ изъ своихъ писемъ прибавить Петръ Васильевичъ послѣ того, какъ онъ много распространялся противъ „грамотности“, существующей теперь у насъ для народа въ Россіи.

П. В. Веригинъ сталъ относиться къ „образованности“ мнѣ отрицательно. Это произошло несомнѣнно отчасти подъ вліяніемъ писемъ Л. Н. Толстого,—которые мы привели уже выше,—а еще и потому, что Веригинъ, задумавшись надъ этимъ вопросомъ для своей общины, переселившейся въ Канаду, пришелъ къ заключенію, что въ свободной странѣ, гдѣ нѣтъ такого доминирующаго и несомнѣнно пагубнаго вліянія на народное образованіе священства господствующей церкви, гдѣ можно поставить школу вполне свободно и разумно, „грамотность“ и образованіе не только полезны, но и необходимы.

„Если.... выселять насъ куда-либо въ одно мѣсто,—пишетъ онъ,—то я начинаю уже представлять...возможную жизнь. Мы ее начали бы, съ помощью Бога, на совершенно общинныхъ братскихъ основаніяхъ. Устроили бы школы грамотности, постарались бы установить правильное отношеніе къ землѣ по отдѣлу сельскаго хозяйства и тому подобно“³⁾.

Въ другомъ письмѣ онъ высказывается болѣе рѣшительно: „Мнѣ пишутъ, что въ Америкѣ вообще обученіе грамотности обязательно. Это томъ лучше, потому что простая грамотность необходима, какъ пособіе въ жизни: напримѣръ, чтобы умѣть прочитать и написать. Не надо понимать, что грамотность положительно просвѣтитъ человѣка, но, повторяю, она можетъ быть пособіемъ, и человѣкъ, читая книги, можетъ приобретать свѣдѣнія, а также мысль его вообще будетъ развиваться“. И далѣе. „... Если нашимъ Богъ дастъ устроиться въ Америкѣ, то обученіе грамотѣ даже необходимо“⁴⁾.

Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ къ духоборцамъ, поселившимся въ Канадѣ, П. В. Веригинъ пишетъ, что „можно молодымъ людямъ поступать на техническіе курсы“⁵⁾.

* * *

Чтобы закончить нашъ обзоръ ученія П. В. Веригина, мы необходимо должны остановиться на его отношеніи къ *народу*

1) Изъ письма къ П. И. Вирюкову, отъ 10 декабря, 1890 г., с. Обдорскъ.

2) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 5 августа, 1895 г., с. Обдорскъ.

3) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 23 декабря, 1896 г. с. Обдорскъ.

4) Изъ письма „ко всемъ духоборцамъ большой партіи“ отъ 6 января, 1899 г., с. Обдорскъ.

5) Изъ письма къ духоборцу Пономареву, отъ 6 января, 1901 г., с. Обдорскъ.

городу и деревнѣ. Какъ истый сынъ земли, по происхожденію крестьянинъ, крупный скотоводъ и земледѣлецъ по всѣмъ своимъ привычкамъ и наклонностямъ, П. В. Веригинъ, столкнувшись съ городской цивилизаціей, конечно, долженъ былъ относиться къ ней совершенно отрицательно. Будучи хорошимъ наблюдателемъ, онъ быстро схватилъ всѣ отрицательныя стороны города, а то, что есть въ немъ положительнаго, въ силу сложившихся обстоятельствъ, очевидно, узнать не могъ. Идя по этапу изъ Архангельской губ. въ Москву, ему пришлось наблюдать суровую, обездоленную и разоренную жизнь деревни. Въ Москвѣ его поразилъ ея внѣшній блескъ, и онъ немедленно заключилъ, что блескъ городовъ построенъ на бѣдности деревни. Такъ какъ Петру Васильевичу не пришлось самому подробно ознакомиться съ жизнью города, отъ его страшной нуждой рабочаго населенія, подчасъ не уступающей, а иногда и превышающей бѣдность деревни; не пришлось увидѣть своими глазами эксплуатацію всей трудящейся массы городского населенія,—то, естественно, онъ и не могъ сдѣлать того общаго заключенія, что горе, бѣдность и несчастіе *есть* трудящихся людей, какъ города, такъ и деревни, покоятся на общей эксплуатаціи и притѣсненіяхъ тѣми, кто захватилъ въ свои руки власть и деньги, и что отъ нихъ одинаково плохо живется, какъ рабочимъ, такъ и крестьянамъ.

Взглядъ свой на городъ и деревню П. В. Веригинъ высказалъ въ письмѣ къ И. М. Трегубову. Вотъ что онъ писалъ:— „...Вотъ строенія, то есть деревни; многія избы наклонились на бокъ, въ нихъ еле-еле мерцаетъ огонекъ. Ихъ убогая обстановка и угрюмые ихъ обитатели: мужчины большею частью въ „портяныхъ“ рубашкахъ, подвязаны пояскомъ; женщины въ такихъ же короткаго покроя юбкахъ; ихъ—этихъ жильцовъ—сыновья и дочери съ довѣрчивыми фязіономіями. И все это молчаливо говорятъ: „мы обобраны, но мы терпимъ“. Даже лучина и та съ трескомъ высказываетъ свою грусть: „я не высушена, потому такъ тускло горю, а тутъ кто-то, какъ будто моя товарка, взяла наполовину отъ меня свѣта“.

„Вторая картина: Москва съ ея площадью, на которой снѣгъ; если онъ перебьется отъ быстрой и частой вѣды въ пыль, его свозятъ и посыпаютъ „свѣжаго“. Эти гигантскіе, двухъ-трехъ-этажные дома, говорящіе со смѣхомъ: „мы высоки и стройны за счетъ своихъ меньшихъ сестеръ—деревенскихъ избушекъ“. Люди, смѣющіеся и въ смѣхѣ своемъ выражающіе: „Посмотрите на насъ, мы обобрали своихъ братій, которыхъ вы видѣли въ деревнѣ, и безпечно радуемся. Значитъ мы умны“. Женщины также стараются показать свои черевчуръ пышныя и долгія платья, говорящія съ улыбкой: „что же особеннаго, если мы изъ обрѣзковъ юбокъ своихъ меньшихъ сестеръ—деревенскихъ бабъ—пошили себѣ долгія приличныя одежды, вѣдь надо же кому-нибудь и

покрасоваться“. Даже газовые рожки на площади,—не говоря уже о люстрахъ въ домахъ, и тѣ говорятъ: „мы горимъ и такъ ярко пылаемъ за счетъ отобраннаго на половину свѣта отъ лунны“¹⁾.

Кромѣ этого обездоленія деревни городомъ, Петръ Васильевичъ вполне присоединяется къ тому мнѣнію, что города развращаютъ пришлое крестьянское населеніе. Но въ способахъ помощи этому горю онъ совершенно разногласитъ съ тѣми, кто думаетъ исключительно моральной проповѣдью остановить это зло. Въ письмѣ къ И. М. Трегубову (отъ 3 февраля 1896 г.) онъ пишетъ: „... Въ газетѣ „Недѣля“ была статья, что какъ города портятъ, то есть развращаютъ пришлою деревенскую молодежь. Охарактеризовано это очень и очень справедливо, но такія замѣчанія, я думаю, остаются голосомъ вопіющаго въ пустынь, потому что сами по себѣ безнравственны. Меншиковъ предлагаетъ совѣтъ „трактирнымъ“ заведеніямъ или домамъ терпимости“: „Вы обходитесь нравственнѣй“.—Но возможно ли это?“²⁾.

Не придавая, такимъ образомъ, почти никакого значенія моральному воздѣйствію на источники современнаго порока и зла, онъ все-таки задаетъ себѣ вопросъ: какъ же помочь народу, что нужно ему для востановленія его силъ и возможности существованія? На эти вопросы онъ отвѣчаетъ въ своемъ письмѣ къ Л. Н. Толстому такъ: „Упадокъ духа или, вѣрнѣе, неразвитость духа въ народной жизни,—это бесспорно самая коренная причина всѣхъ народныхъ бѣдствій, но упадокъ духа или ростъ его много зависитъ отъ матеріальной обстановки человѣческой жизни“.

„Говоря о духовной помощи народу, я думаю, вы говорите объ освобожденіи народа вообще отъ вмѣшательства извнѣ кого-бы то-ни-было съ помощью“³⁾.

И далѣе: „сейчасъ въ Россіи народъ жаждетъ не просвѣщенія, а *освобожденія*, въ широкомъ значеніи этого слова, освобожденія личности вообще отъ опеки человѣческой“⁴⁾.

„Самое главное,—пишетъ онъ далѣе,—надо по возможности, оставлять всѣ искусственно вырабатывающіяся просвѣтительскія „химеры“, которыя сами живутъ на народныя средства. А дать народу вздохнуть свободно, и народъ самъ окрѣпнетъ и разовьется подъ вліяніемъ міровой эволюціи жизни впередъ. Намъ не надо только стѣснять этого движенія. По своей малочисленности, мы эволюціоннаго движенія стѣснить, остановить, конечно,

¹⁾ Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 12 декабря, 1895 г., с. Обдорскъ.

²⁾ Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

³⁾ Изъ письма къ Л. Н. Толстому, отъ 15 августа, 1898 г., с. Обдорскъ.

⁴⁾ Тамъ же.

не можемъ, но мы тормозимъ, уродуемъ свою же собственную жизнь“¹⁾.

Итакъ, мы видимъ, что главной основой „теоріи“ П. В. Веригина—это свобода, свобода и свобода во всемъ, вездѣ и всегда. Онъ глубоко вѣритъ, что „мировое теченіе времени постоянно обновляется, а, слѣдовательно, и весь живущій міръ“²⁾. Съ другой же стороны, такъ какъ „все то, что существуетъ, существуетъ во благо“³⁾, то намъ, людямъ, необходимо только присмотрѣться, прислушаться къ законамъ „предѣла“, міра, природы и идти по *естественному ходу* развитія, и тогда все будетъ хорошо. Намъ, людямъ, болѣе всего необходимо заботиться о себѣ самихъ и помогать своимъ разумѣніемъ природѣ дѣлать ея неустанную работу, направляя всѣ свои силы и поступки въ сторону любви, мира, согласія и единенія, а не стремясь, разжигая страсти, къ непрерывной борьбѣ съ себѣ подобными, ибо всеобъемлющая, несокрушимая любовь—вотъ главный основной законъ міра, законъ Бога, законъ жизни, воплотившейся и разлившейся вездѣ и всюду.

Вотъ, въ сущности, конечный выводъ философіи П. В. Веригина.

* * *

Мы изложили возможно болѣе полно взгляды на жизнь и философское мировоззрѣніе П. В. Веригина, стараясь быть безпристрастными и объективными.

Мы видимъ, что онъ является въ своихъ воззрѣніяхъ крайнемъ индивидуалистомъ, какъ самъ и заявляетъ это о себѣ.

Полагая всю основу жизни въ дѣятельности *отдѣльной личности*, онъ совершенно упускаетъ изъ вида тѣ *общественныя силы*, которыя, благодаря очень многимъ причинамъ, часто идутъ въ полный разрѣзъ съ интересами и желаніями отдѣльной, хотя бы и очень развитой, личности, или даже совокупности, организаціи ихъ.

По пріѣздѣ въ Канаду Веригинъ долженъ былъ самъ убѣдиться въ этомъ, когда общественное мнѣніе его общины заставило его сильно попятиться назадъ и отъ мечтаній „крайняго индивидуалиста“ перейти на старозавѣтную тропинку дѣятельности предшественныхъ руководителей. Въ канадской общинѣ проявляются и теперь различныя новшества, постепенно вводимыя Веригинимъ, болѣе всего подъ напоромъ могучей американской

1) Тамъ же.

2) Изъ письма къ И. М. Трегубову, отъ 3 февраля, 1896 г., с. Обдорскъ.

3) Изъ письма къ Н. Т. Изюмченко, отъ 4 января, 1896 г., с. Обдорскъ.

культуры. Но всё эти „новшества“ очень далеки от мечтаній Веригина во время его обдорской ссылки. Сама жизнь опровергла ихъ, жестоко обрушившись на тѣхъ изъ духоворцевъ, кто твердо и преданно сталъ проводить въ жизнь взгляды своего руководителя. Судьбѣ угодно было распорядиться такъ, что самъ Веригинъ отказался отъ своихъ прямыхъ послѣдователей, даже подвергъ ихъ гоненію, а они,—эти мечтатели и искатели „свободнаго пути“,—до сихъ поръ бродятъ по Канадѣ, ища въ людяхъ отклика и не находя его.

ХП.

Двѣнадцатаго октября 1902 г. Петръ Васильевичъ Веригинъ изъ г. Тобольска послалъ своимъ якутскимъ братьямъ слѣдующее письмо:

„Милые братья и сестры, всё живущіе въ Якутской области!

Увѣдомляю васъ, я освобожденъ отъ надзора. Изъ Обдорска приѣхалъ въ городъ Тобольскъ. Здѣсь мнѣ выданъ заграничный паспортъ, и я собираюсь выѣхать въ Канаду. Душевно желаю побывать въ Якутскѣ и видѣть васъ всѣхъ лично, но обстоятельства такъ сложились, что не могу быть у васъ, хотя душевно желаю. Обстоятельства слѣдующія: мнѣ кончился срокъ 29 іюля. Бумаги къ сроку отъ министра не пришли, и я долженъ былъ жить въ Обдорскѣ до 10 сентября и выѣхать, на осеннихъ пароходахъ, которые перевозятъ грузы рыбы изъ Обдорска въ Тобольскъ,—идутъ медленно. Прибылъ въ Тобольскъ 5 октября. Получивъ заграничный паспортъ, я рѣшилъ поѣхать къ вамъ, но правило заграничныхъ паспортовъ таково, что надо переѣхать границу въ трехмѣсячный срокъ, иначе паспортъ теряетъ силу—надо брать новый. За полугодовой паспортъ я заплатилъ 15 руб. Поѣхавъ къ вамъ, я рисковалъ за три мѣсяца не возвратиться отъ васъ къ границѣ, на примѣръ, назначая пунктъ переѣзда Варшаву или Ватумъ. Здѣсь, въ Тобольскѣ, я собралъ свѣдѣнія, что отъ Иркутска попасть на лошадахъ до Якутска далеко, да отъ Якутска по Ленѣ до Ноторы также большое разстояніе,—у меня даже не могло хватить денегъ. А могло случиться такъ: за эти два-три мѣсяца въ правительствѣ могло измѣниться мнѣніе, и меня совсѣмъ могутъ оставить еще въ Россіи. А потому я рѣшилъ пожертвовать свиданіемъ съ вами и поѣхать скорѣй въ Канаду, застать, можетъ, въ живыхъ мать-старушку и увидѣть тамъ всѣхъ братьевъ и сестеръ. А оттуда уже принять мѣры приѣхать къ вамъ и обсудить ваше тяжелое положеніе.

Цѣлую васъ всѣхъ и душевно желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа Бога.

Любящій васъ

братъ Петръ Веригинъ“.

Этимъ краткимъ извѣщеніемъ своихъ якутскихъ братьевъ начинается новая полоса жизни духоборческаго руководителя. Въсть объ его освобожденіи, несмотря на дальность разстояній, быстро перекинулась изъ Якутской области и въ Закавказье, и въ Москву, и въ Канаду, и въ Англию, и въ Швейцарію. Какъ духоборцы, такъ и ихъ друзья съ нетерпѣніемъ ждали того времени, когда, наконецъ, можно будетъ лицезрѣть знаменитаго изгнанника, вождя одной изъ самыхъ крѣпкихъ, старыхъ русскихъ сектъ.

Канадскіе духоборцы сейчасъ же послали въ пять различныхъ мѣстъ большія суммы денегъ, дабы вездѣ, гдѣ только нужно будетъ, „батюшка“ ихъ „Петюшка“ „имѣли бы достатокъ“ и „не понуждались бы напрасно“.

Съ разныхъ сторонъ получались запросы, какъ, какимъ путемъ поѣдетъ Петръ Васильевичъ.

Веригинъ двинулся на Москву, гдѣ и видѣлся съ Л. Н. Толстымъ.

Между нимъ и Львомъ Николаевичемъ произошелъ весьма интересный разговоръ относительно какъ разъ находившагося тогда въ полномъ разгарѣ движенія канадскихъ духоборцевъ, только что вернувшихся изъ извѣстнаго „исхода“ „на встрѣчу Господу“.

Свѣдѣнія объ этомъ свиданіи были напечатаны въ газетѣ „Slovensky Dennik“ (Pittsburg, Pa-America).

Вотъ что тамъ сообщается:

„Интересенъ былъ разговоръ у Веригина со Л. Н. Между прочимъ, Веригинъ высказалъ мнѣніе, что *одинаково* нехорошо убить человѣка или животное, и такъ же нехорошо и отвратительно питаться мясомъ животнаго, какъ и человѣческимъ. А Л. Н. сказалъ, что онъ съ этимъ не согласенъ и что во всѣхъ поступкахъ и въ жизни нужно знать послѣдовательность, что раньше и что послѣ дѣлать. Такъ къ человѣку и къ страданіямъ его больше испытываешь жалости, чѣмъ къ страданіямъ лошади; какъ страданіямъ лошади больше жалости, чѣмъ къ страданіямъ крысы или мыши, къ комару же не испытываешь жалости. Вотъ чутье этой-то послѣдовательности и есть мудрость истинная. Нельзя жалѣть комара и въ то же время жестоко относиться къ человѣку.

„Я не осуждаю духоборцевъ за ихъ поступокъ, — сказалъ Л. Н., — но боюсь, что они не соблюли послѣдовательности. Имъ много еще можно было и нужно было сдѣлать поступковъ христіанскихъ, раньше чѣмъ они сдѣлали то, что сдѣлали“.

Этотъ интересный разговоръ, какъ извѣстно, сильно повліялъ на Веригина, и онъ, пріѣхавъ въ Канаду, опровергая послѣдователей своей же теоріи, приводилъ имъ аргументы, совершенно тождественныя съ замѣчательными словами Льва Николаевича.

Впечатлѣніе въ Москвѣ Веригинъ произвелъ менѣе сильное, чѣмъ этого ожидали. Левъ Николаевичъ выразился о немъ, что онъ человѣкъ „не религіозный“. Однимъ словомъ, хотя всѣ и разстались друзьями, но чувствовалась нѣкоторая неудовлетворенность.

XIV.

Изъ Москвы Петръ Васильевичъ отправился въ Англію, гдѣ имѣлъ значительный успѣхъ не только среди своихъ русскихъ друзей, но особенно среди англичанъ.

Въ Лондонѣ въ Essex Hall (strand) былъ устроенъ спеціальныи митингъ, собравшійся, чтобы послушать духоборческаго вождя.

Очевидецъ этого интереснаго митинга, П. И. Бирюковъ, такъ описываетъ его:

„Митингъ открылся краткимъ обращеніемъ В. Г. Черткова, объяснившимъ публикѣ цѣль и содержаніе митинга. Затѣмъ Петръ Веригинъ обратился къ собранію съ выраженіемъ благодарности за содѣйствіе, оказанное англійскимъ обществомъ къ облегченію положенія духоборцевъ и за принятіе ихъ въ свою страну.

Послѣ этого привѣтствія, переведеннаго Чертковымъ и открытаго аплодисментами, Чертковъ прочелъ составленное имъ обращеніе къ англійской публикѣ, въ которомъ старался установить болѣе вѣрный взглядъ на такъ называемый „исходъ“ части духоборцевъ изъ мѣста ихъ поселенія въ Канадѣ“.

Послѣ доклада Чертковъ обратился къ собранію,—продолжаетъ рассказывать П. И. Бирюковъ,—съ предложеніемъ задать Петру Веригину нѣкоторые вопросы, на которые онъ съ радостью готовъ отвѣчать. Чертковъ переводилъ вопросы на русскій языкъ, а отвѣты Веригина на англійскій.

Вотъ мнѣ удалось запомнить,—пишетъ Бирюковъ,—изъ этого оживленнаго отвѣта вопросовъ и отвѣтовъ между представителями либеральнаго лондонскаго общества и русскимъ крестьяниномъ—духоборцемъ, П. В. Веригинымъ. Спрашивали англичане, отвѣчалъ Веригинъ.

1-ый вопросъ: Вы признаете себя послѣдователями Христа и говорите что не хорошо убивать животныхъ и питаться ими, а между тѣмъ изъ Евангелія мы знаемъ, что Христосъ ѣлъ рыбу и потопилъ 2000 свиней, вогнавъ въ нихъ злыхъ духовъ. Какъ это совмѣстить съ вегетаріанствомъ?

Отвѣтъ: По нашему ученію, Христосъ—человѣкъ, жившій 2000 лѣтъ тому назадъ. Мы думаемъ, что онъ открылъ только дверь къ истинѣ и оставилъ намъ свободу прогрессировать.

2-ой вопросъ: Я былъ прежде вегетаріанцемъ, но потомъ прочелъ въ Новомъ Завѣтѣ, что неяденіе мяса есть навожденіе дьявола и теперь ѣмъ мясо и думаю, что это очень хорошо.

Ответъ: Я тоже думаю, что есть мясо очень хорошо. Только убивать нехорошо.

3-ый вопросъ: Какъ вы относитесь къ разводу и браку?

Ответъ: По духоборческому учению, бракъ есть свободный союзъ любви. Если любви нѣтъ, нѣтъ больше и союза, т. е. брака, и насильно удерживать вмѣстѣ такихъ людей нельзя. Вотъ мы собрались здѣсь для одного дѣла. Если мы кончили это дѣло, развѣ можно больше удерживать насъ здѣсь, заперевъ дверь снаружи. Я думаю это будетъ бевомысленно.

Но, конечно, это не значитъ, что можно мѣнять женъ и мужей, какъ и когда кому хочется. Это у насъ не одобряется и случается рѣдко.

4-ый вопросъ: Какъ вы объясняете слова Христа: „кесарево—кесарю“. Не значать ли они то, что надо подчиняться правительству?

Ответъ: Я, къ сожалѣнiю, мало читалъ Евангелiе и потому могу ошибиться. Но сколько я помню, тутъ рѣчь шла о деньгахъ. Христа спросили, нужно ли платить денежную подать кесарю. Онъ велѣлъ показать монету и, увидавъ на ней изображенiе кесаря, рѣшилъ, что она принадлежитъ ему, и велѣлъ отдавать кесарево—кесарю. Покуда у человѣка есть деньги, онъ долженъ ихъ отдавать тому правительству, отъ котораго онъ ихъ получаетъ, а если онъ раздастъ всѣ деньги, тогда онъ дѣлается свободнымъ отъ податей. Вотъ я слышалъ, что часть духоборцевъ въ Канадѣ поступили по слову Христа; они снесли всѣ деньги правительственному чиновнику и потому стали свободны.

5-ый вопросъ: Какъ вы думаете, можетъ быть, что служенiе Богу совмѣстимо съ подчиненiемъ правительству?

Ответъ: Никонимъ образомъ. Въ этомъ случаѣ я вспоминаю слова Христа: нельзя служить двумъ господамъ. И господа эти разные. Богъ привлекаетъ человѣка къ служенiю себѣ свободно. А правительство требуетъ себѣ служенiя всегда насильно.

6-ой вопросъ: Можетъ ли общество обойтись безъ правительства?

Ответъ: Я думаю, что стаду рогатаго скота нуженъ сильный быкъ, который бы рогами сгонялъ стадо въ кучу и наводилъ порядокъ, а человѣческое общество, одаренное разумомъ—можетъ жить свободно.

7-ой вопросъ: Что вы думаете о куренiи и спиртныхъ напиткахъ?

Ответъ: Табакъ мы считаемъ бесполезнымъ, а спиртные напитки вредными и потому не употребляемъ ни того, ни другого.

8-ой вопросъ: Считаете ли вы Христа Сыномъ Божиимъ?

Ответъ: Всякое творенiе есть Сынъ Бога.

9-ой вопросъ: Чего же вы хотите отъ канадскаго правительства?

Отвѣтъ: Мы хотимъ, чтобы намъ позволили свободно жить, не вредя сосѣдямъ. Земли намъ нужно на каждого человѣка ровно столько, сколько онъ можетъ обработать. И мы хотимъ, чтобы земля эта была общая, и чтобы никто не насилывалъ нашей совѣсти.

„Почти всѣ отвѣты,—сообщаетъ П. И. Бирюковъ,—покрывались апплодисментами и сопровождались другими знаками о добренія. И со стороны смотря,—заключаетъ П. И. Бирюковъ,—отвѣты Веригина англичанамъ казались наставленіями взрослого разумнаго человѣка, даваемыми дѣтямъ“.

Вскорѣ послѣ этого митинга, оставившаго большое впечатленіе среди тѣхъ слоевъ англійскаго общества, которые интересуются судьбой духоборцовъ,—П. В. Веригинъ оставилъ Англію и отправился въ Канаду къ своимъ „братьямъ“, гдѣ ждали его съ такимъ трепетнымъ нетерпѣніемъ.

Встрѣчу П. В. Веригина въ Канадѣ, устроенную духоборцами, а также и первые шаги его дѣятельности мы описывать здѣсь не будемъ. Желающихъ мы отсылаемъ къ нашимъ очеркамъ „Духоборцы въ канадскихъ преріяхъ“, помѣщенныхъ въ „Образованіи“ въ 1903 г. Въ книжкѣ седьмой (іюль) было дано нами достаточно свѣдѣній о пріѣздѣ П. В. Веригина въ Канаду.

XV.

Увѣжая изъ Англій въ Канаду, Петръ Васильевичъ о своемъ „руководительствѣ“ выражалъ слѣдующее интересное мнѣніе:

„На мой вопросъ,—пишетъ П. И. Бирюковъ,—о признаніи духоборцами надъ собой власти Веригина, и на принятіе Веригинимъ на себя этой власти, онъ отвѣчалъ: „Призваніе власти человѣка надъ человѣкомъ совершенно противно духоборческому ученію. По нашему ученію, всѣ люди равны и свободны. И нѣтъ надъ человѣкомъ никакой власти, кромѣ власти Бога, власти истины.“

„Какъ же можетъ духоборецъ,—продолжалъ онъ съ нѣкоторой обидой въ голосъ,—пишетъ П. И. Бирюковъ,—признавать чью-нибудь власть, когда всѣ вѣковыя страданія претерпѣны духоборцами за отрицаніе власти. Да духоборецъ и есть никто иной, какъ человѣкъ, непризнающій надъ собой никакой чело-вѣческой власти. Духоборцы,—говорилъ онъ все болѣе и болѣе оживляясь,—это простые русскіе мужики, собранные вмѣстѣ съ разныхъ концовъ Россіи именно за то, что они не признавали надъ собой никакой власти.“

„Я,—продолжалъ Веригинъ,—признаю себя равноправнымъ членомъ духоборческой общины, и только готовъ и считаю своимъ долгомъ помогать своимъ братьямъ, когда они обращаются ко мнѣ за совѣтомъ. А что нѣкоторые изъ нихъ говорятъ и пишутъ обо мнѣ разныя глупости, въ этомъ я не виноватъ.“

„Я не видалъ своихъ братьевъ 15 лѣтъ и не знаю даже, *заходятъ ли они меня теперь слушать* ¹⁾). Если не захотятъ, тогда я *настаивать* не буду, а поселюсь гдѣ нибудь отдѣльно, хоть бы въ Швейцаріи, около васъ“.

Эта подробная цитата чрезвычайно интересна для насъ. Совершенно вѣрно, что въ духоборческомъ ученіи нигдѣ не сказано, чтобы нужно было подчиняться „человѣку“, и, конечно, не возможно даже себѣ представить, что тысячи духоборцевъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, *подчинились* бы какому либо перво-попаяшемуся, обыкновенному „человѣку“. Духоборцы вѣка боролись, — говоритъ Веригинъ, — за отрицаніе власти. Какой? — спросилъ бы я его. Власти духовенства, господствующей перьев и официальнаго правительства, — могъ бы быть данъ единственный отвѣтъ, согласный съ истиной. Боролись ли духоборцы съ „властью“ Капустина, Камыковыхъ, Лукерьи Васильевны? нѣтъ, — долженъ получиться отвѣтъ, — и не могло этого быть. Духоборцы ни за что не хотѣли и не хотятъ признать себя „подданными“ какого бы то ни было правительства. Они сознаютъ себя самостоятельнымъ народомъ и такъ прямо и говорили:

„Что старшина, что императоръ, — говорили духоборцы миссіонеру г. Скворцову, — для насъ одно и то же, и можемъ одинаково обойтись и безъ того и безъ другого... Слышно, что въ *Россіи* есть императоръ, а какъ его зовутъ (имя) не знаемъ, да и мало интересуемся, — объ этомъ мы не заботимся“ ²⁾).

Отдѣляя себя отъ *Россіи*, свою общину (въ Канадѣ) отъ *Канады*, духоборцы признаютъ только вассальныя отношенія къ своему суверену которому готовы платить дань, денежную подать и только.

„Духоборецъ и есть никто иной, какъ человѣкъ, не признающій надъ собой никакой человѣческой власти“. Очень хорошо. Жаль только, что П. И. Бирюковъ не спросилъ П. В. Веригина: а „божественную власть“ признаютъ духоборцы или нѣтъ? Несомнѣнно, получился бы отвѣтъ: „да“. Слѣдовало бы задать другой вопросъ: „въ комъ эта власть проявляется“. „Въ томъ, кто этого достоинъ“. „Кто достоинъ?“ „Кто исполняетъ законъ Бога“, „кто праведенъ и т. д. и т. д. обычные *духоборческие* отвѣты, которые, въ концѣ концовъ, привели бы неизмѣнно къ тому, что обладатель „божественной“ властью среди духоборцевъ есть никто иной, какъ ихъ руководитель. Впрочемъ, и самъ П. В. Веригинъ въ этомъ же разговорѣ съ П. И. Бирюковымъ, невольно, самъ того, очевидно, не замѣчая, — выдѣляетъ себя изъ всѣхъ канадскихъ духоборцевъ. Мы видѣли уже, что въ концѣ разговора съ П. И. Бирюковымъ онъ сказалъ: „не знаю

¹⁾ Курсивъ нашъ.

²⁾ См. „Миссіонерское обозрѣніе“ (стр. 320) мартъ 1899 г.

даже, захотятъ ли они меня теперь слушать“. За 15 лѣтъ отсутствія П. В. Веригина изъ своей общины, конечно, тамъ могла пошатнуться вѣра въ своего „руководителя“ (я у части духоборцевъ, живущихъ теперь въ Канадѣ, какъ мы это знаемъ, дѣйствительно пошатнулась). Вотъ почему Петръ Васильевичъ отправлялся въ Канаду съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ. Но вотъ вопросъ: Почему П. В. Веригину могла прийти въ голову мысль: „а вдругъ *теперь*“ „брата“ „не захотятъ меня слушать“.

А раньше какъ было? Если только *теперь* можетъ случиться, что „не захотятъ слушать“, то раньше, очевидно, „слушали“. Отчего же „слушали“ именно Петра Веригина? Почему „не слушали“ другого, третьяго выдающагося, много пострадавшаго духоборца? Почему ни Зибарову, ни П. Е. Конкину, ни Григорію Веригину, никому другому изъ весьма вліятельныхъ духоборцевъ, возвращавшихся въ свою общину не приходилъ даже въ голову вопросъ: „а вдругъ меня не будутъ слушать?“ По той простой причинѣ что они, хотя и пользовались большимъ вліаніемъ среди своей общины, *властью* никогда никакой не обладали, а были совершенно равноправны со всѣми другими своими однообщинниками. Этотъ вопросъ могъ прийти въ голову только тому, кто властью этой обладалъ и могъ думать, могъ предположить, что она теперь пошатнулась, ускользаетъ изъ его рукъ. А это предположеніе всегда можетъ тревожить П. В. Веригина, такъ какъ власть руководителя къ нему перешла съ большими натяжками. Веригинъ заявляетъ, что онъ, Петръ Васильевичъ, „настаивать“ на своей власти не будетъ. Таково его личное желаніе. Но въ *принципѣ* онъ, значить, могъ бы настаивать, ибо опять таки никому изъ духоборцевъ толпы не могла бы прийти въ голову такая взбалмошная идея: „пріѣду, молъ, въ Канаду, и на признаніи своей власти настаивать не буду“. Если бы кто либо изъ духоборцевъ высказалъ въ слухъ такую мысль—надъ нимъ бы просто посмѣялись и сказали бы, что „вотъ былъ человекъ съ умомъ, а теперь блажить“. Если же П. В. Веригинъ говорить о себѣ такъ, то онъ, значить, прекрасно знаетъ, что онъ, если захочетъ, можетъ „настаивать“ на признаніи себя руководителемъ, на своей божественной власти, и можетъ поднять борьбу за нее, какъ онъ поднялъ половину духоворчества въ Закавказьѣ за свое первенство и руководительство послѣ смерти Лукерьи Васильевны.

Въ высшей степени навнѣзъ былъ П. И. Бирюковъ, когда въ своемъ разговорѣ не рѣшился спросить у Веригина: „Вы говорите, что *человѣчку* духоборцы никогда не подчинялись—это вѣрно, но васъ-то они считаютъ не простымъ человѣкомъ, а Христомъ, а нѣкоторые „для краткости“ просто называютъ „Богомъ“, такъ вотъ вамъ, „Богу“ и „Христу“, одаренному „высшимъ разумомъ“, законному наслѣднику всѣхъ „святыхъ и праведныхъ родителей“ вашихъ,—подчиняются ли духоборцы или нѣтъ?“ Очень можетъ

быть, что П. В. Веригинъ сталъ бы отказываться отъ этого званія,—ему, какъ вполне развитому человѣку, давно было бы пора это сдѣлать, обратиться съ открытымъ словомъ ко всѣмъ духоборцамъ, а не держать ихъ во тьмѣ историческихъ предразсудковъ, но къ великому нашему сожалѣнью, онъ до сихъ поръ этого не сдѣлалъ, и мы думаемъ, теперь и не сдѣлаетъ. Однимъ словомъ, если Петра Васильевича коробитъ данная ему своимъ народомъ власть, если онъ въ разговорахъ съ своими друзьями не духоборцами отказывается и отрещивается отъ нея,—то духоборческій народъ, живущій въ Канадѣ, этой властью его награждаетъ, относится къ нему, какъ къ своему „руководителю“, „Христу“ и даже „царю“. (Послѣднимъ именемъ Веригинъ строго запретилъ въ Канадѣ именовать себя). Мы продолжаемъ ждать, когда просвѣщенный Петръ Васильевичъ Веригинъ выйдетъ на борьбу съ предразсудками своихъ соплеменниковъ, а до тѣхъ поръ утверждаемъ съ неопровержимыми фактами въ рукахъ утверждаемъ совершенно открыто и прямо, что историческій пережитокъ „христовщины“ еще не изжитъ въ духоборческой общинѣ, и всѣхъ, кто пожелалъ бы изслѣдовать этотъ анахронизмъ направляемъ, какъ къ „хлыстамъ“ („людямъ Божиимъ“), такъ и къ канадскимъ духоборцамъ.

И мы видимъ, что П. В. Веригинъ, пріѣхавъ въ Канаду, присмотрѣвшись къ своимъ братьямъ, съ которыми онъ былъ разлученъ пятнадцать лѣтъ, и вида, что его „захотѣли“ слушать, „приняли“ очень хорошо, что его „руководительство“ огромнымъ большинствомъ канадскихъ духоборцевъ признается по полной волѣ и охотѣ,—вскорѣ взявъ бразды правленія въ свои руки и сталъ перестраивать духоборческое общеніе, сильно уже расшатавшееся, на свой излюбленный „общинный“ ладъ. Дѣло этого переустройства шло и идетъ не всегда гладко; встрѣчались и встрѣчаются значительныя препятствія, которыя такъ или иначе Петръ Васильевичъ побѣждаетъ и устраняетъ. Ввиду того, что волненіе „непримиримыхъ“ еще не улеглось до сихъ поръ, въ виду того, что ихъ своеобразные взгляды нерѣдко бываютъ камнемъ преткновенія для многихъ различныхъ проектированныхъ нововведеній, Петръ Васильевичъ рѣшилъ подкосить это „зло“—вчерашнія его личныя убѣжденія—въ самомъ корнѣ.

„Корень“ этого движенія негодный—быть ему или прекратиться,—болѣе всего находится въ рукахъ духоборческихъ женщинъ, которыя, къ слову сказать, какъ у духоборцевъ, такъ и у другихъ сродныхъ съ ними сектантовъ,—играютъ въ дѣлахъ общины огромную роль. (Движеніе „непримиримыхъ“ было начато тоже женщинами).

П. В. Веригинъ прекрасно знаетъ по всему опыту духоборческой общины: на чью сторону стануть женщины, туда, рано или поздно—присоединятся, въ большинствѣ случаевъ, даже несо-

гласно мыслящіе и упорствующіе мужчины. Вотъ почему Петръ Васильевичъ особое вниманіе обратилъ на женщинъ-духоборокъ при своемъ прїѣздѣ въ Канаду, совершая объѣзды деревень: въ его свиту были приглашены почетныя женщины и популярныя въ духоборческой средѣ дѣвушки. Около него былъ организованъ хоръ изъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя въ пути и на остановкахъ улаждали слухъ своего руководителя пѣніемъ псалмовъ и стиховъ. При встрѣчахъ, въ бесѣдахъ, въ разговорахъ Петръ Васильевичъ особое вниманіе обращалъ на „сестеръ“. Къ нимъ онъ всегда прївѣтливъ, предупредителенъ и остороженъ.

На этомъ же основаніи,—по свидѣтельству г. Тана,—„Петръ Васильевичъ заказывали,—съ гордостью передавали духоборки,—писать г. Танъ,—попросите отъ насъ сестрицъ, пусть это кто еще потрудится, погребутъ сѣнцо. А съ будущаго года мы ихъ ничѣмъ не будемъ беспокоить, а заведемъ конныя грабли...“¹⁾

Это заигрываніе съ женщинами своей общины, это обѣщаніе избавленія отъ „хлѣбнаго“ полевого труда, столь привычнаго духоборкамъ, безъ котораго онѣ „скупаютъ“,—какъ не разъ намъ самимъ приходилось это отъ нихъ слышать;—эта обрисовка будущей сытой „домашней“ жизни, когда на долю женщины выпадетъ почти единственная забота „плодиться и множиться“,—ясно показываютъ намъ расчетливость и „политичность“ П. В. Веригина. Онъ прекрасно знаетъ, что если онъ побѣдитъ женщинъ, то „миръ“ въ общинѣ будетъ обезпеченъ. По этой же причинѣ онъ усиленно подготавливаетъ реформу въ правовомъ положеніи женщины духоборки. Онѣ, несомнѣнно, въ самомъ скоромъ времени получатъ „право“ на участіе въ „сѣздовкахъ“ и „сходкахъ“ наравнѣ съ мужчинами. Онѣ получатъ право голоса на всѣхъ выборахъ при всѣхъ голосованіяхъ.

Конечно, мы всей душой можемъ только прївѣтствовать это полное „гражданское“ уравненіе женщины среди духоборческой общины²⁾. Мы не можемъ не прївѣтствовать уменьшенія количества крестьянской работы, падавшей на каждую духоборку,—хотя въ общемъ духоборческія женщины были всегда гораздо менѣе закабалены трудомъ, чѣмъ женщина, напримѣръ, великорусская. Духоборческая община болѣе и болѣе переходитъ на машинное сельскохозяйственное производство, и количество труда, приходившееся ранѣе на каждаго работника, все уменьшается и уменьшается. Несомнѣнно, и „конныя грабли“, какъ необходимое дополненіе къ косилкамъ, жнеямъ и прочимъ машинамъ,—еще болѣе сократятъ трудъ и мужчинъ, и женщинъ. Но мы хотимъ

¹⁾ См. очерки г. Тана „Русскіе въ Канадѣ“ („Русскія Вѣдомости“ № 76, 17 марта 1904 г.)

²⁾ Моральное влияніе въ духоборческомъ народѣ всегда принадлежало женщинамъ. „О женскомъ вопросѣ“ въ духоборческой общинѣ мы надѣмся скорѣе поговорить особо.

отмѣтить здѣсь, кромѣ экономическихъ причинъ этихъ реформъ, ихъ *политическій* смыслъ. Въ духоборьѣ женщины получаютъ свои права болѣе всего потому, что онѣ составляютъ вѣрные кадры ихъ покровителя и всеобщаго любимца, ихъ руководителя, „родимаго ихъ Петюшки“.

Мы закончили этотъ біографическій очеркъ духоборческаго руководителя Петра Васильевича Веригина, судьба котораго такъ тѣсно переплелась съ исторіей духоборческой общины за послѣдніе семнадцать лѣтъ.

Крупная, выдающаяся личность, порожденная сильной и оригинальной, хорошо организованной сектантской общиной,—личность ея руководителя и законодателя, представляется намъ весьма интересной и характерной во многихъ отношеніяхъ. Въ будущемъ,—и, надѣмся, не далекокомъ,—мы познакомимъ нашихъ читателей со многими сторонами жизни и дѣятельности самого духоборческаго народа, проявившаго столько непреклоннаго мужества и твердости въ борьбѣ за свои воззрѣнія, за опредѣленное желаніе жить, согласно своей совѣсти и разумнѣю жизни.

„Духоборческая эпопея“ должна стать извѣстной русскому народу и обществу во всей ея могучей силѣ и духовной красотѣ.

Владиміръ Ольховскій.